

СамИздат

Сборник авторских зарисовок и пропущенных сцен по мотивам историй Клуба Романтики. Статус сборника стоит «завершен», но он будет пополняться новыми работами по мере их написания. Приятного чтения!

•

===== Правда или действие? (Влад/Лайя) =====

— Что ж, Влад... Ты когда-нибудь лгал мне? — сказала Лайя.

Повисла тишина.

— Ты утверждаешь, что ценишь правду. А сам всегда был со мной честен?

Влад опустил глаза и задумался. Секунда размышлений над ответом затянулась в несколько минут. Обманывал ли он ее? Всегда ли говорил только правду? Да и вообще, недомолвки — это же не ложь, наверное?.. В голове то и дело всплывали картинки прошлого, а мысли проносились в голове, словно стая ос, норовящих ужалить.

Какой остроумный вопрос, прямо в точку... И что на это ответить... Да, Лайя, я нашел тебя, заставил подписать контракт и привез сюда, чтобы ты помогла мне вернуться в прошлое и закончить начатое? Или так: да, я не обманывал тебя, когда чуть ли не открыл перед тобой свое истинное лицо там, около придорожного кафе... Я — просто состоятельный человек, что выкупил дом своих предков, повесил на твою совесть семь картин, три из которых все еще не у меня, а одна исчезла совсем...

Шутки в сторону! Ох, все эти люди настойчиво ждут моего ответа. Как же выкрутиться? Ситуация... Он молниеносно метнул взгляд на девушку и вновь перевел его назад.

Не могу же я при всех взять и открыться ей? Тем более, она вряд-ли поверит. Но ведь знаю, что только она может мне помочь, так почему не скажу ей прямо? Нет, не сейчас, не сегодня, — останавливал внутренний порыв честности Влад, но мысли не затихали, новым потоком рождаясь в его голове. Он боялся, что никто из присутствующих не поймет его намерений, а ведь они были заведомо благими; боялся, что правда, которую он раскроет сейчас, может оттолкнуть девушку. Мужчина признался себе — он боялся потерять ее, ту, чьи темно-карие глаза так сводили его с ума, когда он ненароком встречался с ней взглядом в классе, за что потом благополучно отхватывал пару замечаний и подзатыльников от ходжама Мустафы. Они не могли быть вместе априори, ведь Влад — пленник, а Лале — свободная, о какой близости тут может идти речь...

От этих мыслей хозяин дома с силой сжал руки в замок, так, что его тонкие пальцы хрустнули... Как все хорошо начиналось: они могли бы дальше продолжать тайно видеться в заброшенном домике, сидеть, поджав под себя колени, и гладить гончую Хасана, что по привычке забиралась к Лале, ласкаясь; смотреть на звезды, такие близкие, искрящиеся, и, одновременно с этим — далекие, холодные, чужие, как они с Лайей сейчас. «Нет, не откроюсь... пусть потом лучше пожалею о своем выборе... — промелькнуло в сознании, оставшись аксиомой.

Внешне Влад оставался спокоен и отстранен, хотя внутри него в этот момент бушевал фонтан различных чувств и переживаний, как тогда, в автомобиле. В памяти вновь вспыхнули обрывки событий того дня: скорость, черная кошка, дорога... и нежные белые

женские пальчики, что с усилием сжали руль и вывернули его в сторону, отчего машину чуть ли не снесло на обочину. Она прикоснулась к нему так неожиданно, дотронулась до его брэнной оболочки, что только внешне пленяет взор дам. В момент этого «контакта» мужчина почувствовал, как что-то крепко сжало его горло, а кровь резко остановила свой бег, отчего его лицо неожиданно побледнело и стало похоже на чистый прогрунтованный холст для картины. Если бы он из последних сил не убрал свои руки из-под ее ладоней, неизвестно, чем бы это все кончилось... Сколько раз потом мужчина корил себя за то, что так неаккуратно обращается с Ней, ведь Лайя — другая... Не стоит спешить, во всем нужна мера.

Как же быть... Если я солгу сейчас, поверит ли она мне потом, когда придет время? Без нее, Светлой, мне нет возврата и нет спасения... Только благодаря этому солнечному лучику и ее способности моя проклятая душа сможет исцелиться и наконец-то обрести покой. Как жаль, что этого нельзя выменять у судьбы на деньги, как нельзя купить время, доверие, честность, уважение, любовь... да и жизнь, в целом... Как же быть....

Заметив, что Влад не торопится с ответом, и из-за этого раунд затянулся, Лео несколько раз щелкнул пальцами перед его лицом, перемещая руку из стороны в сторону:

— Эй! Ушел в себя — приду не скоро? — раздраженно кинул ему.

— А можно выбрать действие? — не обращая на него внимания, спросил вернувшийся в реальность Влад, подняв глаза на девушку.

===== Помни меня (Геральд/Мисселина) =====

Вечер неспешно окутывал Школу Ангелов и Демонов, погружая окружающую действительность в алый пожар заката — предвестника ветреного дня. Выйдя через боковой готический пролет во внутренний дворик замка, Геральд направился вдоль спального крыла, высматривая освещенные окна после отбоя. Снаружи было намного холоднее, нежели в классе и коридорах Школы, за что мужчина благодарил Шепфа; не будь прохладного ветерка и свежей погоды после очередной летней грозы — он заживо сварился бы в своих темных одеждах. Неспешно обойдя величественное здание, разрезавшее своим острым цоколем гряду пушистых облаков, преподаватель резко остановился, прислушиваясь к едва различимому звуку, доносящемуся со стороны Лабиринта, и последовал за ним, ступая как можно тише, дабы не спугнуть его владельца.

Подойдя к живой изгороди, демон немного помедлил, осматриваясь. Под ногой предательски хрустнула небольшая сухая веточка липы, росшей неподалеку; хлюпающий звук затих, на что Геральд в сердцах гневно чертыхнулся, вспомнив практически всех подопечных своего Правителя — Сатаны, тотчас замерев, выжидая время. Спустя несколько минут звук появился вновь, однако он был уже другой. Мужчина медленно продвинулся внутрь Сада Адама и Евы, к беседке со статуей Равновесия.

Внутри нее кто-то был. Демон сразу узнал этот хрупкий силуэт, стоящий к нему спиной: белые крылья, узкие женские плечи, легкое платье и накидка цвета холодного фарфора, дополненная полупрозрачной шалью, скрывающей пшенично-золотые колосья волос... Это была она, мужчина не мог ошибиться — Геральд узнал бы ее из тысячи, даже с завязанными глазами. Обычно он видел Мисселину радостной и счастливой, вечно смеющейся и неунывающей, однако сейчас... ее плечи, немного подсакивающие вверх, выдавали едва сдерживаемые всхлипы; перья на крыльях дрожали от пронизывающего ветра. Женщина явно не по своей воле сбежала сюда... Вероятно, от пытливых глаз, — мелькнуло в голове преподавателя, пока тот бесшумно приближался к беседке.

Не желая напугать любимую, он тихо, но предупреждающе, шаркнул ногой, а потом подошел вплотную и опустил на ее плечи свои теплые ладони. От этого жеста, полного скрытой нежности, ангел обернулась; ее глаза были полны непролитых слез, что собрались в уголках и норовили вот-вот упасть жемчугом на белоснежное платье.

— Геральд... — только и смогла вымолвить Мисселина, подняв на него взгляд, полный отчаяния и боли. — Ты не знаешь еще...

Она не смогла закончить фразу — к горлу подступил ком, и она закашлялась, дабы как-то подавить неприятное щекотание в гортани. Дыхание снова участилось от накатившего волнения, полноценного вдоха не хватало, и она обрывисто хватала носом воздух, дабы заполнить горящие легкие. Опустив глаза вниз, женщина закрыла лицо руками, не переставая всхлипывать.

— Ну-ну, тише, дорогая моя... что случилось? — заключив Мисселину в свои объятия, пытался успокоить ее Геральд. — Прошу, скажи... кто тебя обидел?

Женщина в ответ лишь замотала головой из стороны в сторону, отрицая услышанное. Слезы солеными каплями падали из ее покрасневших глаз на черную мантию мужчины, просачиваясь сквозь ткань и обжигая тело. Длинные тонкие пальчики узких кистей неожиданно схватили мужчину за края плаща, сжимая плотную ткань, зарываясь в нее лицом.

— Если кто-то из моих коллег сказал тебе что-то дурное или каким-либо другим способом сделал тебе больно, — заботливо поглаживая ее по голове, продолжил Геральд. — только назови имя, и я вырву ему язык, руки, крылья, — что потребуется... Шепфа, как ты дрожишь!

Преподаватель отпустил женщину, расстегивая ремни на своей шее, снимая длинный плащ. Укутав в него Мисселину, демон, немного придерживая ее, усадил ангела на мраморную скамью беседки, приземлившись рядом, приобняв ее и прислонившись виском к ее макушке, лежавшей у него на плече.

Он никак не мог понять, что стряслось в его отсутствие. Догадок не осталось, и демон просто ждал, когда любимая решится заговорить сама, когда немного успокоится и сможет подобрать нужные слова. Ей так больно, — промчалась в голове Геральда мысль. — Неужели что-то случилось с Вики... Или с Дино? А, может, с Бонтом... Так или иначе, для нее, на данный момент, важнее не расспрашивать, а просто побыть рядом. Совладать с возникшим желанием самовольно заглянуть в ее бездонные глаза, чтобы прочитать в них причину тревоги, было очень тяжело, но преподаватель из последних сил держал себя в руках. Мисселина, чувствуя его заботу и беспокойство, нежность, искренность чувств, и, одновременно с этим, исходящую от него внутреннюю напряженность, немного перевела дыхание, собравшись в мыслями, и тихо произнесла, все крепче сжимая сильную ладонь, которую схватила впопыхах, не отпуская:

— Геральд... Кроули донес в Совет Серафимов на нас... теперь мы никогда не сможем быть вместе, все кончено...

— Что? Да как он посмел! — в негодовании гаркнул мужчина, вскочив на ноги, смотря на опаленную его неожиданным гневом Мисселину, прижимающую к груди края теплого плаща. — Они не посмеют! Даже если вдруг нас разделят, и ты будешь преподавать только в Школе, а я — на факультете Ада, то мы все равно сможем видеться, хоть и не часто...

— Нет... Сегодня вечером Совет вынес окончательный приговор... Я больше никогда не увижу тебя, Геральд, — зарыдала, обхватив его торс, женщина с белыми крыльями. Шаль от

резкого движения слетела на плечи. — Завтра нас разлучат, и этот холодный огненный закат, пронизывающий ветер и твой лик — единственное, что я увижу перед своим уходом...

— О чем ты говоришь, Лина, что за чушь? Куда тебя определили перевести? Где ты будешь теперь, по новому указу Небесного Града?

— В Вечности, — тихо прошептала она. — На рассвете назначена моя казнь... Прошу тебя, свет моей души, не отпускай меня... я практически не чувствую ног, и... голова немного кружится... Запомни меня такой, какая я на самом деле есть, Геральд. Прошу, запомни меня счастливой... Не забывай, что между нами было, и не жалея ни о чем...

Демон замер, словно окаменев, прижавшись к любимой, прильнув губами к ее лбу и подняв туманные глаза к небу, сжимая внутри горла оглушительный рев, разрывающий его изнутри.

Неужели это конец...

===== Видение (Человек в маске, Сара) =====

Сара обернулась и услышала звон колоколов. Как в том самом кошмаре, который она всеми силами старалась выбросить из головы. Уши тут же заложило, заполнив звуковой вакуум белым шумом с неприятным свистом. Девушка замотала головой, пытаясь от него избавиться, но это не помогало.

Она шла, пробираясь между стволов деревьев сквозь непролазный подлесок, слегка припорошенный первым снегом, похрустывающим под ногами. Накрахмаленное белое полотно, покрывшее мертвецки-черные ветви деревьев, напомнило ей ритуальный саван, в который раньше, по местному обычаю, заворачивали тело умершего и сжигали на погребальном костре. Девушка медленно ступала по узеньким протоптанным дорожкам, которые оставили дикие животные. Она боялась свернуть не туда, хоть и сама не знала, куда именно держит путь, и что ее ждет в конце.

Хруст промерзшей под слоем инея листвы разнесся эхом по чаще, спугнув пару рябчиков, что поспешили скрыться вдаль. От холода по рукам ученицы побежали мурашки, а волосы покрылись снежинками, неспешно падающими с чистого серовато-белого неба. Чувствуя, что осеннее пальто, надетое на ней, а также отсутствие шапки и варежек было не лучшим вариантом для путешествий, девушка спешно накинула на голову глубокий капюшон, и, растирая красные кулачки, в которые превратились ее аккуратные кисти рук, поспешила обойти еще один природный холм. В горле пересохло, а ноги ускорили бег. Прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, Сара словила себя на мысли, что ее тело ищет что-то, связанное с водой. Взобравшись на возвышенность, ее взгляду открылась картина: впереди, на расстоянии вытянутой руки, она заметила замерзшее озеро, со всех сторон окруженное сломанными ветками деревьев, упавшими в воду, и пересеченное поперек полуразрушенной бобровой плотиной, бывшей некогда домом для зверьков.

Заплутавшая остановилась, засмотревшись на природную красоту этого места, задумавшись, как было бы замечательно посетить это место летом или поздней весной... От мыслей ее отвлек крик филина, перелетевшего с одной ветки на другую; пелена снега начала осыпаться из-под его лап под одинокое уханье ночного хищника; девушка перевела взгляд с птицы на озеро и отшатнулась. Перед ней разлился огромный водоем, заполненный алой кровью; от жидкости исходил неприятный запах, от которого желудок девушки сжался в беспорядочный комок.

— Смелее... — раздался чей-то знакомый голос позади нее. Сара дернулась, оборачиваясь.

— Вы?.. — вскинув брови от удивления, выдавила из себя она. В следующую секунду она набрала воздуха в легкие и что есть мочи закричала, — Дерек! Мистер Никсон! Он... он здесь! На помощь!

Зажав в руках длинную трость с тяжелым латунным набалдашником, Человек в маске не сдвинулся с места, не сводя взгляда с Сары, словно пытаясь подчинить себе ее волю. Скопив глаза на появившегося перед ней из-под земли мужчину, она начала замедлять свои вопли, а потом замолчала вовсе, сконцентрировав все внимание на его серо-голубых глазах, что продолжали выжидающе смотреть на нее.

— Ты же знаешь, что тебя никто здесь не услышит, так ведь, Сара? — обратился к ней директор цирка.

В голове гулом пронеслось: «Не услышит, не услыши-и-и-т, не услыши-и-ит», отбиваясь от костяных стенок ее черепной коробки, образуя множественное эхо. Звук стучал по вискам, лицо и щеки горели, будто ее обсуждал весь Сентфор и его ближайшие окрестности. Девушка хотела убежать, но ее ноги, превратившиеся в корни могучего дерева, крепко вросли в землю. Человек в маске неспешно приблизился к ней; Сара вновь попыталась закричать, но ощутила, как горло сжала невидимая рука.

— Дорогая, после прошлой встречи в цирке ты плохо меня поняла? — растягивая вопрос, леденящим полусшепотом произнес мужчина, смакуя каждое слово. — Ты и твои друзья не сможете убежать от меня, как бы не пытались. То, что ты видишь там, — он махнул рукой в сторону, откуда пришла Сара. — прошлое. Тут — указав себе под ноги. — настоящее, а вон там — директор показал раскрытой ладонью на кровавое озеро, — ближайшее будущее. И оно всецело зависит от того, какой выбор ты сделаешь. Ты слышишь меня?

— Да... — закивала она, зачарованная голосом.

— Что это у тебя? — изогнутая трость потянулась к ученице и резко рванула плетеную сумку с плеча. Девушка попыталась ему помешать, но плохо контролировала свое тело — он управлял ею. Круглая пуговичка, не выдержав такого небрежного обращения, оторвалась, отлетев в сторону, и содержимое выпало на поблескивающий снег.

Человек в маске нагнулся и подобрал предмет.

— Книга Теней? Ты еще и воровка, маленькая проказница... ну ничего — думаю, у меня найдется подходящая маска и для тебя...

Сара почувствовала, как незримая рука отпустила ее, и голос возвращается к ней. Спрятав потрепанную книгу под черный плащ, он вновь посмотрел на нее, вероятно, ожидая ответа. Девушка покорно опустила глаза вниз, боясь поднять взгляд на него.

— Да будет так, Хозяин, — робко шептали губы наперерез ее мыслям.

Директор ухмыльнулся, поправив маску, и начал вращать трость. Вокруг них послышались чьи-то шаги, и через миг к холму засеменяли его чудики. Уродцам с трудом давался подъем, но они старательно цеплялись за торчащие корни растений и пни. Впереди всех вприпрыжку бежал Мордогрыз, размахивая маской. Внутри Сары похолодело, ее расширившиеся до предела зрачки забегали из стороны в сторону. Ладони покрылись узорчатой корочкой инея, окоченев.

Девушка поднесла кулачки ко рту, подула на них в попытке хоть немного отогреть. Вдруг ее взгляд упал на маленькое колечко на указательном пальце: тонкая золотая лента, усыпанная камешками циркония, трижды обвивала палец. На ее конце был расположен цветок черного морозника. Вдруг в голове всплыла картина школьного двора, где она

заботливо обрабатывала ссадины юноше... Джон Холл... это он подарил ей его, признавшись в своих чувствах той поздней осенью, конечно же!

Руки девушки начали оттаивать, словно внутри нее загорелся огонь; корни неспешно трансформировались в ноги, и через минуту она уже могла шевелить ими. Заметив это, Человек в маске подал знак своим подопечным, и те набросились на девушку, повалив в сугроб, подминая под себя и задавливая своими грязными изувеченными телами.

— Будь моей, Сара, и я сохраню жизнь тебе и твоим друзьям, — услышала девушка голос сквозь залепляющие глаза и нос комья снега.

— Ни за что! Не дождешься! — вопила она, проваливаясь все глубже в проседающий наст сугроба, задыхаясь от недостатка воздуха. Потом все стихло, перед глазами у нее потемнело, и девушка почувствовала, как чья-то рука теребит ее, схватив за предплечье. Сара с силой приоткрыла глаза.

— Слава Богу! Ты в порядке? — произнесла миссис О'Нил. Ее глаза выдавали обеспокоенность и испуг. — Ты так кричала во сне...

===== Пустота... (Мими) =====

Комментарий к Пустота... (Мими)

Картинка из группы «МХКР», что вдохновила меня:

<https://sun9-51.userapi.com/eQxNwpEzr98g17KOOCL-grDq7HPMNN8hF13Wzw/riFGa8lnYLA.jpg>

«Мы цепляемся за наши сказки,
пока цена за веру в них
не становится слишком высокой»

Ренсом Риггз

Мими одиноко лежала на кровати в их с Вики комнате, закинув ногу на ногу и уставившись пустым взглядом в потолок. В голове вихрем мыслей крутился диафильм событий: живые картинки, сменяя друг друга, ворошили кипу прошедших дней, отменяя всякую надежду на счастливое будущее. В Школе переполох, за казнь Адмирона Винчесто Сатана объявил войну Небесам; она понимала и, одновременно с этим, принимала его выбор. Ангелы и вправду последнее время позволяют себе больше, чем разрешено законом — всему есть предел.

Девушка не могла не думать о Вики. Это — милый ангелочек, что впорхнула Непризнанной в двери спальни, и... покинула ее пределы демоном, отобрав самое дорогое, что было в вечной жизни Мими. Обладательница темных, едва доходящих до колен, крыльев, оканчивающихся двумя огромными шипами наверху, и сексуального кожаного топа на шнуровке опустила взгляд с потолка вниз, будто внутрь себя, вспоминая...

— О, Вики, да ты, я вижу, уже свыклась со своей новообретенной сущностью, а? — задорно подстегнула девушку Мими.

— Быть демоном интересно, — ответила ей подруга без особого энтузиазма, продолжая собираться.

— Куда ты теперь спешишь? — демоница заметила, как Вики постоянно придумывает отмазки на ее предложения погулять и развеяться.

Девушка никак не отреагировала на вопрос, что совсем не вязалось уже с ее прошлым, ангельским и праведным, образом. Мими подскочила к ней, схватив за руку, выхватывая из нее очередное блестящее платье, чуть ли не порвав, и отшвырнула в дальний угол, привлекая

внимание. Вики резко подняла голову, повернувшись к ней, и гневно окинула ее пронизывающим взглядом с ног до головы, отчего демонице стало немного не по себе.

— Зачем тебе все эти вещи, Уокер? Ты что, съезжаешь от меня?

— Да. Теперь ты успокоишься, истеричка? — резко выдохнула Вики, гася злость и гнев внутри себя.

— Что?.. — полыхнула демон, отшатнувшись на шаг. — Что ты сказала?

— То, что ты могла услышать секунду назад, — спокойным голосом произнесла та.

— Но... мы же... мы были подругами... и не только... после всего того, что произошло между нами...

Вики, смирив секундное раздражение на милость, подошла к ней, сняв маску злости и, обхватив ее плечи руками, оставляя между телами дистанцию, сказала:

— Это все было раньше, Мими... прости мою грубость и злость, но я очень спешу, а ты меня отвлекаешь сейчас...

— Кто у тебя есть кроме меня? — продолжая смотреть подруге в глаза, выпалила демон. — К кому ты так спешишь? Ну, скажи мне, кто он, скажи! Неужели я для тебя — лишь очередное развлечение, как, к примеру, Энди или Дино?

Девушка, услышав обидные слова, несильно оттолкнула ее, продолжая собирать разбросанные вещи. Мими подошла к окну и вытянула руку. Ветер сильно обжег ладонь, а вслед за ней - и лицо, охлаждая глаза, готовые заплакать. Выждав время и немного успокоившись, она обернулась, но чемодан Вики был уже собран. В надежде, что происходящее — всего лишь запоздавшая первоапрельская шутка, она обратилась к ней:

— Прости. Я не должна тебя останавливать. Живи с кем хочешь, это твое дело. Но... может, сходим куда-нибудь на неделе вместе? Можешь и своего нового хахалю пригласить с нами, отчего нет.

Вики задумчиво смотрела на нее.

— Ты обижаешься на меня, солнце? — приобняв девушку за талию, задала вопрос Мими. Та аккуратно и ненавязчиво сняла руки подруги с бедер.

— Мими, детка, в последнее время у меня много хлопот, прости... Пожалуй, я откажусь... только не обижайся, — последние слова, которые услышала демоница, выбегая из комнаты, яростно хлопнув дверью на прощание.

В глазах приторно защипало, а тупая боль в желудке перешла в резкие спазмы. В памяти демоницы всплыла другая встреча, в тот же самый проклятый день, на факультете Ада.

Пары Мими только-только закончились, чему она несказанно обрадовалась. Единственное, что оставалось, так это доклад Мисселине по истории Белой и Черной магии. Поэтому она, схватив в охапку кипу пергаментов, полетела через длинные плохо освещенные коридоры к Водовороту, надеясь вернуться в комнату к ужину и засесть за работу. Вылетев за пределы школы и минуя остроконечные верхушки скал, зоркий глаз Мими заметил высокую готическую арку и привалившегося к ней спиной Люцифера. Демоница, перебарывая порыв радости, что они сейчас полностью одни, подлетела к нему.

— Привет, Люци! — улыбаясь, крикнула ему демон. — Ты тут один, и я подумала...

Но он прервал поток ее тирады, повернув тело в полоборота к ней:

— Черт, Мими, — прошипел ей в лицо мужчина, скрывая за своей широкой спиной кого-то еще. — Я занят, не приставай.

Демоница стремительно взмахнула крыльями, подняв под ногами клубы пыли, и

облетела арку. Открывшаяся перед ней картина повергла ее в шок — за спиной Люцифера пряталась Вики.

— Ты? Да как ты могла... И со мной, и с... ним... Нет, не может быть... — с каждым взмахом поднимаясь все выше от земли, бормотала Мими. — Нет... не верю...

Жилы на ее шее предупреждающе надулись, артерия нервно пульсировала, а в голове было одно: «Сволочь...». Девушка летела, пока над ее головой не раскрылся вращающийся портал из облаков, что мгновенно затянул ее.

Мими одним рывком дернула теплое одеяло на кровати, отвернувшись к стене и зарывшись в нем с головой. Ей было очень неприятно, больно и... страшно. Из мыслей не выходил образ Предводителя Ада, Сатаны, и ее любимого отца, Мамона. То, что произошло через несколько дней после казни Винчесто, повергло девушку в шок, от которого она до сих пор не смогла до конца отойти...

После предательства лучшей подруги и потери любимого, наступили выходные, сменив напряженные будни. С надеждой, что папа поддержит ее рвение надрать сыну Сатаны задницу, она на всех парах летела домой. Зайдя в большой тронный зал, она не увидела отца на его законном месте; осмотревшись по сторонам, Мими не нашла и намека на присутствие какой-либо живой души тут.

— Рара... — растерянно позвала девушка, заламывая руки, обойдя трон со всех сторон и заглянув за шкафы, полные древних книг и фолиантов.

— Я здесь, родная, — выйдя из соседней комнаты, сказал Мамон.

Мими от неожиданности чуть ли не подпрыгнула, и в следующую секунду помчалась к нему навстречу, приближаясь к отцу с широко раскинутыми в стороны руками, ожидая его теплых объятий. Мамон в последний момент успел распахнуть сложенные в замок на груди руки; дочь нежно прильнула к его могучей груди, положив голову на плечо, обвив руками его торс.

— Шепфа, если бы ты знал, как я рада тебя видеть! — тихо прошептала ему на ухо она.

— Я... — замялся демон. — Я тоже рад, что ты прилетела...

Мими немного отстранилась, сощутив глазки:

— Рара, ты что-то скрываешь... Рассказывай сейчас же! — отчеканила дочь, поглядывая на отца из-под сведенных к переносице тонких бровей.

В следующую секунду голос мужчины, всегда бывший строгим и мощным, отдающим приказы, неожиданно для него самого, дрогнул.

— Малышка, мне нужно кое-что тебе сказать... — начал он. Лицо Мими стало еще серьезнее. — После объявления войны Миром, Сатана собрал всех предводителей его Войск, и выразил благодарность воинам, присягнувшим ему своей жизнью защищать Ад. И сказал, что все чины, стоящие выше простых Демонов, будут привлечены к битве...

К горлу демоницы подошел ком, проглотить который не получалось; руки ее дрожали в глубине колючего одеяла, а пальцы угрожающе хрустели, как-будто девушка хотела их стереть в порошок. Она не могла больше сдерживать себя... глазницы заполнились горячей соленой жидкостью до краев, способные пролиться тонкими струйками по пышущим жаром щекам в любую минуту.

— Папочка, как же так... Ты оставляешь меня и маму, и... А как же рождественская неделя... ведь мы хотели наконец-то побыть всей семьей, вместе, как раньше, до того, как я поступила в Школу... — Мими, закусив от волнения нижнюю губу, потупила взгляд, понимая, что это не было сознательным выбором ее отца, и что она никак не сможет

помешать. Мамон сделал шаг к ней, вновь пряча хрупкую девушку в своих объятиях; хоть она и выросла, но в душе осталась все тем же маленьким балованным ребенком, что была в детстве. Демоница обвила шею отца руками, спрятав покрасневшее лицо в его ровных волосах темнее беззвездной ночи. Он прижался щекой к ее голове, и, поглаживая непослушные девичьи волосы, говорил, успокаивая:

— Прости меня, малышка... Боюсь, мы не сможем увидеться некоторое время... Прошу, не плачь, все будет хорошо. Вы с мамой останетесь тут, дома, а когда я вернусь мы отпразднуем все одним махом — и Рождество, и мое прибытие, и победу! Я обещаю тебе, солнышко мое, мой маленький чертенок! Ты веришь мне?

— Верю, папа...

Мими не могла больше сдвливать внутри режущую боль, что пилила ей по вискам, била тяжелым кулаком под дых, выворачивала запястья... Она уткнулась носом в подушку и заревела, не в силах удержать в себе накипевшее. Воздуха не хватало, голос слегка срывался на вопль, который немного заглушало накинутое поверх одеяло, а соленые дорожки стекали по ее щекам, падая на белоснежную наволочку, пропитывая ее холодом и страданием. В дверь неожиданно постучали. Демоница, не желая вставать с кровати, крикнула: «Занято!», чтобы нежелательный посетитель без лишних вопросов убрался восвояси. Это сработало, стук унялся и не повторился.

Девушка лежала, свернувшись калачиком и не двигаясь, всхлипывая и не зная, что ей делать дальше. Около нее, на прикроватной тумбочке, покоился конверт, надорванный с одной стороны, его содержимое, прочитанное вдоль и поперек несколько раз, — на нем. Это было небольшое письмо от отца:

«Малышка, мы уже подчинили правый фланг ангельской армии! Воинов света, по сравнению с нашими войсками, не намного больше, так что численный перевес на нашей стороне. Скоро увидимся дома, и я крепко-крепко обниму тебя, и никогда больше не отпущу, демоненок! Главное — дойти до конца... Я люблю тебя! Поцелуй за меня маму и ждите моего возвращения с триумфом!»

К нему был прикреплен красный ярлычок: «Арий Мамон. Доблестно пал в авангарде, защищая своего Правителя Ада. Вечная слава герою!»

Вдруг тело Мими, полностью скрытое под покрывалом, затихло. Учащенное дыхание начало замедляться, а рыдания — переходить в тихие стоны и посапывания, и девушка, пытавшаяся забыться, провалилась в сон...

===== Все тайное (Эллиа/Агата) =====

Комментарий к Все тайное (Эллиа/Агата)

Эстетика

от

Кэролин ___:

<https://sun1.48276.userapi.com/L9JI6zjytG9lA8dTvLCFiQmEJfpNaLWWh9g1Zg/8yVohjj3z9k.jpg>

Спасибо огромное прекрасному отзыву Elizaаа_, оставленному под одной из глав моего любимого фанфика на данный момент — «Чай с молоком» от автора эстетики. Твои проникновенные слова запали мне в душу и вдохновили на написание этой небольшой зарисовки ♥♥♥

P.S. Carpe diem (лат.) - «Лови момент»

Это была поздняя осень... На улице было еще тепло: искристые лучики уходящего летнего солнышка пытались согреть своим светом угрюмых англичан, спешащих утром на работу. Улица умылась багряным маревом листвы, тихо падающей на узкие аллеи городского парка. С каждым днем здесь становилось все уютнее и холоднее: ветви

деревьев, дрожа в такт пронизывающему ветру, перешептывались о прекрасных временах, когда по этим дорожкам ходили прекрасные пышногрудые дамы со своими кавалерами-лордами, подхихкивая каждой нелепой шутке, прикрывая личико веером и стреляя глазками.

— Как изменился мир, — ворчал старый дуб, теряя свой покров. — Теперь в нем осталось так мало времени на искренность... Люди спешат куда-то, не успевая свериться с минутной стрелкой их карманных часов. Толпятся то тут, то там, возмущаются, доказывают что-то друг другу. Не то, что раньше...

— А что было раньше? — проскрипел ему в ответ укоризненно клен.

— Раньше они хотя бы успевали взглянуть в небо, вздохнуть... а теперь все не то, и люди не те...

— Мы не согласны! — шепнули несколько пожелтевших листочков, держащихся за ветку из последних сил. — А как же та парочка, которую мы встретили прошлой осенью? Они часто забегали к нам на чай, да, дуб?!

— Пожалуй, да, есть исключения...

Неожиданно ветер подул с большей силой, прервав их беседу, вновь напоминая о скором приходе холодов. Или же этот тихий разговор лишь почудился Агате, сидевшей на лавочке в ожидании любимого?..

Прошло долгих пятнадцать минут, кисти рук начали зябнуть, а погода — все больше портиться. Зачем он пригласил меня, если знал, что по прогнозу все так плохо? Может, у него что-то кардинально важное, неотложное, что не решить по телефону... Что же произошло, к чему спешка... — перебирала она варианты в голове, сбиваясь со счета. Тут за спиной раздались шаги, а потом ее глаза прикрыли большие и горячие ладони. «Угадай, кто?» — послышался приятный и родной бас рядом с ее ушком.

— Эллиа! — обернувшись, звонко произнесла Агата, снимая руки с лица и улыбаясь. В следующий момент она уперлась коленями в поперечные рейки лавочки и крепко обняла наклонившегося к ней мужчину. Тот, в свою очередь, подхватил ее за талию и, немного приподняв, закружил в воздухе, словно отец — свою маленькую дочурку.

Запрокинув голову вверх, девушка заливисто расхохоталась, наблюдая, как перед ее глазами вертится мир, словно карусель. Упершись руками в широкие плечи любимого, она, подогнув ноги, отдавалась этому новому чувству, навеянному усилившимся ветром... чувству свободы, безграничного доверия и любви вопреки. Вопреки стереотипам общества, несмотря на желания покойной тети Аннет, не считаясь с мнением окружающих, родных и не очень... она отдавала этой искренней любви всю себя без остатка, упиваясь чувством. Ее лозунгом по жизни была фраза «Carpe diem», и девушка всегда придерживалась этой позиции — живи сейчас, трать сейчас, не откладывая на потом в надежде, что успеешь.

Немного замедляясь, Эллиа заботливо поставил Агату на землю, не отпуская ее из своих сильных медвежьих объятий. Он смотрел на любимую мягким взглядом, полным нежности и радости встречи; она отвечала взаимным. Между ними завязался немой разговор, понятный лишь им обоим, это была своего рода магия, обмен внутренней энергией. Возлюбленные стояли в полной тишине, и лишь павшие к их ногам листья взмывали на секунду вверх и с кротким шебуршанием падали через несколько метров вновь.

Идиллию развеял неожиданный кашель, раздавшийся неподалеку. Агата, вздрогнув, повернула голову в сторону звука, но никого там не заметила. Повернувшись, она увидела, как Эллиа еще раз кашлянул в кулак.

— Ты болен? — обеспокоенно обратилась к нему девушка, поднимаясь на цыпочки и дотрагиваясь до темного лба тыльной стороной ладони.

— Если только тобой, красавица... — ответил ей Эллиа, перехватив руку за запястье, едва коснувшись ладони кончиками губ. Взгляд, полный радости и надежды, теперь сменился на тихую грусть; мужчина опустил глаза, не зная, как продолжить разговор.

— Что тебя тревожит, дорогой? — не унимаясь, попробовала его разговорить Агата, ласково проведя кончиками пальчиков по немного шершавой щеке. — Почему ты позвал меня сюда? Может быть, я могу помочь тебе...

— Нет, — тихо прошептал мужчина, понунив голову. — Агата, мне нужно тебе кое-что сказать, очень важное. Я... прости, мне тяжело, но я смогу, сейчас...

Ощущая, как ему сложно собраться с мыслями, племянница Аннет молча сделала шаг вперед, обвив руками его торс, положив свою голову на грудь и прикрыв глаза, пытаясь успокоить его бешено колотящееся сердце и метушащиеся в диком темпе зрачки, выдающие волнение. Мужчина нервно выдохнул и приобнял девушку, спрятав одну руку в глубокий карман надетого нараспашку пальто. Почти незаметное, но довольно резкое движение заставило Агату вынырнуть из грез — под ребрами она почувствовала приставленное дуло пистолета. Холодный металл угрожающе уперся в хрупкую кость, а спусковой механизм дважды щелкнул, напоминая о своей готовности.

— Эллиа... Что это? Я не понимаю... — затаив дыхание и замерев в ужасе, дрожащим голосом переспросила его Агата. — Ты же не...

— Нет... Прошу, прости меня за то, что я сделаю. Я люблю тебя больше всего на свете, дорогая... родная... но я не могу иначе, карточный долг — долг чести, а я всегда держу свое слово. Прости меня, прости, пожалуйста, прости... — голос перешел в трепещущий шепот, а потом он сильно прижал любимую к себе и нажал на курок.

Прогредел выстрел. Тело девушки затряслось в его руках, а потом обмякло, глаза ее закатились, а из раны брызнула мощной струей алая жидкость. Отбросив в сторону оружие, мужчина опустил бездыханную на золотой хитон из листьев; подкосившиеся ноги не удержали хозяина в равновесии, и управляющий казино упал на колени, больно ударившись чашечками о продрогшую землю. Мужчина не в силах был ни помочь девушке, ни бежать: он просто закрыл лицо руками, шумно втягивая носом воздух сквозь лодочку его ладоней.

— Отлично сработано, господин Эллиа! — раздался женский голос из-за его спины. — Вы выполнили свои требования, поставленные мной, и я более чем довольна вами!

Бывший администратор обернулся и попытался кое-как встать, не в силах поднять на заказчицу серых глаз. Черные дреды, вылезающие из-под объемного капюшона, немного подрагивали от частых и жадных вдохов.

— Можете быть свободны! — повторила настойчивее Анна Попович, подзывая помощницу. — Ева, все кончено, выходите! Теперь акции Аннет Сильвер-Харрис в наших руках! Подойдите же ко мне, душенька, разве вы не рады? Мы же так долго ждали этого часа!..

Но Эллиа уже не слышал... он, оттолкнув женщин, помчался в противоположную сторону парка, к озеру, где не так давно они с Агатой кормили белоснежных лебедят...

Спустя неделю на первой странице местной газеты виднелись кричащие заголовки: «Неожиданное убийство в Хагли-парк», «Единственная наследница знаменитой миссис Сильвер-Харрис мертва!», «С завтрашнего дня по исправленному завещанию Аннет в право

наследования вступит компания АннаПопович&Скай». Люди, по своему обыкновению, продолжали сновать по улицам маленького городка, с долей неприязни поглядывая на сложенные вдвое листы, что предлагал замаранный мальчишка-подросток в протертых до дыр штанах. И мало кто из прохожих, что покупали газету чтобы скоротать время ожидания экспресса до Лондона, обратил внимание на крохотную графу внизу первой страницы, в которой Кентерберрийская полиция закрыла еще одно «несерьезное» дело об утоплении мужчины лет двадцати пяти...

Это была поздняя осень... День, когда все тайное стало явным...

===== Мне бы крылья, чтобы укрыть тебя... (Адмирон Винчесто, Вики)

Вики не могла больше находиться тут: закат медового цвета, окутывающий девушку, напоминал ей пустынные призрачные дюны, среди которых оазису было место лишь в девичьей фантазии. Вики бросало то в жар, то в холод; внутри живота неприятно щекотало, а воздух в груди закончился. Сделать еще один вдох не получалось: казалось, ребра были зажаты в каркас из железных прутьев толщиной в человеческий палец. Непризнанная попыталась разорвать невидимые путы, но руки, внезапно припавшие к груди, ничего не обнаружили. Слез не было, на их место пришел шок: Вики оставалась недвижима, пока остальные ученики с преподавателями покидали место казни. Солнце, достигшее зенита, теперь клонилось к западу, скрываясь в чередке кучевых облаков. От плит, нагретых за день его обжигающими лучами, поднимался жар. Девушка, словно статуя Равновесия, застыла на том месте, где распрощалась с Адмироном, не в силах уйти; раскаленный воздух обжигал ее щеки, лез в лицо, отчего белки глаз сильно пекло, горло дико сушило... Еще минута — и она, иссохнув полностью, оторвется от земли и полетит по воздуху, словно перекасти-поле, направляемая одним лишь ветром.

Она не понимала, что произошло, не осознавала, что делать дальше. Виски пронзила резкая боль, словно вонзили тонкий и острый клинок — девушка посмотрела на мать. Ребекка все еще стояла около эшафота в компании Серафима Кроули и Сатаны, но от зоркого взгляда Вики не ускользнуло то, что женщина находилась одновременно с ними, и вместе с тем немного поодаль от мужчин. Взгляд матери был прикован к болтающимся на деревянных столбах веревкам, потом он спустился к привинченной к платформе колодке с откидным верхом, далее — к окровавленному пеньку. Запекшаяся бурая жидкость по краю свидетельствовала о многом...

Справа от деревянной постройки нависала зловещая скала, когда-то бывшая входом в грот Плачущих Дев. Ее белокаменные колонны стали немymi свидетелями многих приговоров, что приводились в исполнение в этом тихом месте на отшибе Вселенной. Они видели больше искренних обещаний, чем алтари всех храмов мира вместе взятые; больше горячих слез, чем усыпальницы фараонов; больше настоящей любви, чем роща Шепфа, в которой издавна под омелой заключались браки между Ангелами или Демонами. Как много здесь пало существ от мановения руки Несправедливости? И сколько смогло избежать гибели за правду, честность и верность? Вопросы вертелись в голове Вики, и только тихий свист, отражаясь от скал, отвечал ей полупшепотом: немало... вряд ли...

Сзади к ней подошла Мими, обхватив девушку за талию и сцепив руки в замок, потянула ее на себя. Несмотря на то, что Вики была не легкой, демоница смогла оттащить подругу назад — она, как и остальные исконнорожденные демоны, обладала большей силой, чем Непризнанные, поэтому сделать это не составило особого труда. Только оказавшись в тени

Вики смогла более-менее оценить произошедшее, и, постепенно приходя в себя, она вспоминала, что случилось. Густой туман, заволакивающий пространство вокруг нее, отступал, более четко проявлялись очертания деревянной постройки, растений и островерхих скал вокруг страшного места. Перед глазами Вики промелькнули сюжеты казни: вот Адмирона ведут к плахе; алые крылья, перетянутые проволокой, в местах соприкосновения с железом пропитались кровью; потом — взметнувшийся к небесам билль, и... покотившаяся к ногам Правителя Ада черноволосая голова приближенного. Сердце девушки неожиданно пронзила щемящая боль, отчего ноги ее подкосились, и она, цепляясь за воздух, начала оседать на землю. Мими и подлетевший к ним Люцифер вовремя подхватили ученицу под мышки, помогая усадить около корней ближайшего дерева.

— Вики, ты слышишь меня? — обращался к ней демон, проведя перед ее лицом рукой из стороны в сторону.

— Ээй, Вики... — тормошила ее за плечо перепуганная Мими. — Очнись, прошу...

Внезапно торможение прекратилось, и в следующий миг тело девушки подняли чьи-то сильные руки. Всей своей сущностью девушка была тут, слышала все, что происходило, однако сознанием находилась там, на эшафоте, рядом с ошибочно осужденным.

«Не вини себя...» — всплывали в ее памяти слова, обращенные к Ребекке. За что ей нужно было бы винить себя, если мать знала, что возлюбленного казнят не по ее хитрому замыслу... Что их связывало раньше... почему этот человек заступился за Вики там, в Башне Администрации, не выдав, что было между ней и Люцифером... зачем он скрыл этот факт, не рассказал всей правды?

Вики вспомнила, как нежно Винчесто обнял ее во внутреннем дворике школы, где бранились между собой Ангелы и Демоны, выясняя, кто главнее. Его объятия были такими... теплыми, большими и сильными. Он будто бы защищал Непризнанную от всех напастей, скрывая ее за плотной стеной сомкнутых красных перьев его крыльев. Этот миг было невозможно позабыть: лицо девушки, спрятавшееся на груди Адмирона... его рука в перчатке, легшая ей на спину, прижимая девушку сильнее, ближе к учащенно бьющемуся сердцу; теплые губы, по-отечески приникшие ко лбу Вики в прощальном благословляющем поцелуе... Непризнанная вновь услышала сквозь небытие чей-то взволнованный, но требовательный голос:

— Держись, Непризнанная, держись... не вздумай тут мне умереть! Уже скоро доберемся... только не спи. Держи глаза открытыми, ясно тебе? Держи их открытыми...

— Я пытаюсь, но... — сонно проямлила Вики, то проваливаясь в сон, то выныривая из него обратно в явь.

Страшные рисунки, пропитанные запахом смерти, прорезались сквозь теплые воспоминания. В тот же миг слезы подступили к уголкам глаз, накапливаясь, не спеша убегать вниз по шее к вороту платья, выжидая время.

— Вы осудили не того... Геральд, скажи им!

— Он воспользовался соревнованиями как прикрытием, попытавшись сбежать! — рявкнул демон, не смотря в сторону Винчесто.

— Вы совершаете огромную ошибку!

— Приказ есть приказ. Ты знаешь, что это значит, — невозмутимым тоном отчеканил директор.

— Он только этого и добивается!.. Как вы все слепы...

Кап. Ветер сорвал соленую каплю, не дав упасть.

— Адмирон! — выкрикнула девушка, бросившись вперед.

— Вики! — вырвавшись из хватки, подбежал к ней Винчесто, распахнув объятия.

Ученица нырнула к нему на грудь, покорно сложив подрагивающие от волнения крылья.

— Нас подставили, Вики, — продолжил он шепотом, проводя худыми пальцами от макушки до кончиков волос, заботливо поглаживая. — Управляли, словно марионетками. Мы бы никогда так глупо не попались. Кому-то нужно разобщить стороны, нужна война... Будь осторожна!

Мужчина жадно схватил глоток воздуха, собираясь сказать еще что-то, но стражники, не дожидаясь, схватили его под руки, оттеснив девушку, и поволокли к Башне. Винчесто уже не сопротивлялся: сильное тело обмякло, и только взгляд был полон борьбы и тревоги.

— Не повторяй ошибок своей матери! Любовь делает тебя слабой! — вскинув голову, кричал в исступлении Адмирон. — Не позволяй никому манипулировать твоими чувствами!

Кап. Кап. Ветер стих, и девушка почувствовала, как ее тело больше не находится в воздухе.

— Что я могу для вас сделать?

— Быть сильной...

Кап. Кап-кап-кап. Капля. Одна, за ней — еще несколько. Хрустальные прозрачные бусинки одна за другой начали катиться по щекам вниз, оставляя позади себя мокрые дорожки. Грудь девушки резко вздымалась, а из горла вырывались слабые всхлипы-стоны, переходящие иногда в бурлящий кашель или срывающиеся на крик. Руки нервно бродили по гладкой поверхности постели, сжимая простыню, комкая ее, впиваясь ногтями... «Нет, этого не может быть, это все видение, это — неправда...» — уговаривала себя Вики, то шепча под нос хаотичные слова, складывающиеся в предложения, то выкрикивая, содрогаясь всем телом, не открывая глаз. В такие моменты мощная мужская рука удерживала ее в кровати, не давая вскочить на ноги... чья-то знакомая рука, теплая и родная.

Спустя какое-то время девушка понемногу успокоилась: ее хрупкое тело перестало дрожать, и она медленно приоткрыла глаза, желая немного привыкнуть к солнечному свету, прежде чем открыть их полностью. Но взгляд ее расширившихся зрачков не наткнулся на ослепляющие лучи Шепфа... вокруг девушки стоял полумрак, рассекаемый язычками десятка свечей в начищенных серебряных канделябрах. Рядом с ней никого не оказалось, к горлу подступил кашель.

— Кхе-кхе... кхе-кхе... — девушка попыталась приподняться на локтях, помогая себе избавиться от назойливого першения.

— Она пришла в себя, Люцифер! — прошептала Мими, вскочившая из глубокого кресла в противоположном углу, подбегая к подруге.

— Как ты себя чувствуешь? — из темноты показалось лицо демона, склонившегося над девушкой.

— Пить... воды... — едва слышно произнесла Вики, опускаясь головой на черные шелковые подушки.

===== Мама (Мэй, Ичиро Накамура) =====

Ива склонилась и спит.

И кажется мне, соловей на ветке...

Это ее душа.

Мацуо Басё

Вечер. Сумерки. Тишина. Морось, нарушившая каплями дождя спокойствие водной

глади. Едва ошутимый шелест старых листьев на деревьях, съжившихся от подступающих холодов. Природа словно замерла, затаив дыхание. Последний вдох ей дался с трудом. Будто лихой широкий жест бедняка среди поддаты черни в кабаке. Словно тяжелый гранит, на котором гравер выцарапывает тире между датами. Как последнее дыхание жизни, витающее над полями, павшими в битве с белой стихией. Уже не слышно было пения птичек-пичужек. Озерца покрывались облетевшими листьями, кое-где по краю берега схватились инеем — вестником предстоящей Зимы.

Невдалеке послышался гул, за ним — топот и голоса; взметнулась к небу стая ворон, истошно каркая. Из леса выбежала женщина в темно-синем одеянии, наспех подпоясанная расшитым черным кушаком со свертком на руках. Она бежала со всех ног, прижимая к себе красное одеяльце, не в силах оторваться от настигающей погони; ее длинный халат сковывал движения, не давая возможности скорее скрыться. Остановившись около ясеня, женщина попыталась перевести дух, приоткрыла сверток. Внутри на тонкой пеленочке лежал маленький рыжеватый лисенок, мирно посапывая, свернувшись клубком. Беглянка невольно улыбнулась, залюбовавшись на нее, но неожиданно услышала:

— Она не могла далеко убежать в женском обличье. Тем более — с демоническим отродьем на руках...

— Скорее туда, не дайте ей улизнуть! Мацуро Ван назначил награду за нее — тысячу монет! Это же целое состояние!

— Приведите собак!

Женщина передернулась, учуяв их запах и услышав залиvistый лай императорских псов, вырывающих поводья. Закрыв глаза, она попыталась представить их образ, окрас, характер... Платье быстро поползло по плечам вниз, обнажая ее точеное тело, покрывающееся бурой шерстью. Стряхнув с себя шелковую ткань, лиса схватила зубами одеяльце и помчалась прочь. Прошло полчаса. Шорох и гомон не утихали, множились, эхом разносясь по пустой роще. В какой-то момент беглянке начало казаться, что звук раздается одновременно со всех сторон, и куда бы она не подалась, везде ее поджидала опасность в лице стражников и их гончих.

Впереди показался последний ветвистый куст, за ним — озеро, поросшее вдоль берега камышом. Существо, окончательно выдохшись, поплелось к единственному прибежищу здесь — старой иве, опустившей свои ветви в прохладную живительную влагу водоема, омывая. Позади слышался шум. Лиса положила одеяло на землю, замотав в ужасе головой из стороны в сторону; через мгновение под раскидистым деревом стояла обнаженная женщина.

«Они уже близко...» — промелькнуло у нее в голове.

Дыхание участилось, сердце отчаянно ускоряло темп, грозя хозяйке рано или поздно вырваться из ее груди. Ноги плохо слушались, а в голове был туман.

«Что же мне делать? Для них я — ведьма... они убьют меня, но самое страшное даже не это. Они отберут тебя... бросят на растерзание псам...» — грудино резко свело от терзающей боли; женщина прогнулась всем телом, словно переживала ломку, что напористо выкручивала суставы, выворачивала шкуру наизнанку, проявляла скрытую сущность.

Подул ветерок, сорвав огненный кленовый лист. Он пронесся рядом с ее ухом и полетел дальше, опустившись на зеркало озера. От упавшего листка по девственной глади озера пошли круги; рядом с ним заметушились маленькие рыбки, открывающие и закрывающее свои роты в надежде отыскать пропитание.

Незнакомка вновь услышала голос мужчины. Он прозвучал совсем рядом. Нужно было

действовать, времени не оставалось. Аккуратно сняв с себя золотой кулончик с надписью «Мэй» женщина повязала его вокруг шеи лисенка. Тот неожиданно твякнул, всем видом показывая, что ему не нравится эта затея.

— Погоди, мой солнечный лучик, так нужно... — она сделала несколько пассов руками над головой, и протянула ладони к рыжему зверьку. В тот же миг свет озарил рощу, ослепляя мать, и на красном полотне уже лежал не лис, а... крохотный спящий младенец. Женщина взяла ребенка на руки, прижимая к вздымающейся в хаосе груди, и опустила глаза. Горячая слезинка пробежала из уголка глаза по щеке, обжигая кожу. Ветер усилился.

С неба упало несколько крохотных снежинок. Женщина молча плакала, заслоняя свое дитя от всего зла этого мира. Вот если бы нашелся человек, который не искал моей смерти... что помог спастись... разделит бы мое страдание... Однако это немое горе никому не по силам было разделить, и только эхо раздалось из-за заснеженных гор гулким звоном поминального колокола.

— Кицунэ! Она тут! — громко закричал стражник, издалека завидевший обнаженную, подал знак. — Спустить собак, живо!

Воскликнув от страха, женщина подбежала к иве и осмотрела ее основание. Около одного из корней она заметила отошедший от ствола плотный слой коры. Схватившись за край, женщина расшатывала его из стороны в сторону, пока та не поддалась, с хрустом надломившись.

Из-за куста появилась голова мужчины в военной броне. Встретившись с ним глазами, кицунэ почувствовала во взгляде злость и ликование. Она спешно скрылась за стволом ивы, опустив на воду добытую кору, а на нее — запеленанного ребенка.

— Доченька, прости... Пускай семеро хранят тебя. Надеюсь, тебя отыщет какой-нибудь ремесленник и заберет к себе. Пускай кулон станет оплатой за его труды...

Шаг. Еще шаг. Хруст веток, хриплый и угрожающий лай. Грузное рычание, скопившее в себе всю ненависть мира.

Женщина оттолкнула от берега красную «лодочку» как можно дальше и, обратившись лисицей, обошла дерево с другой стороны, выходя к жаждущим ее гибели преследователям. Перед глазами пронеслась вся ее жизнь — детство в деревушке на склоне рисового поля, первый рассвет, что она встретила в школе гейш, жизнь в Заповедном лесу среди спокойствия и безгласности. Ритуал. Рождение Мэй. Погоня. И вот гончие на всех парах бегут к ней, поваливают на землю. Одна из них распахивает пасть, обнажая зубы, и впивается в шею лисицы, сжимая до хруста челюсти; другие покусывают ее за хвост, давят, наваливаясь всем телом. Последнее, что увидела опечаленная ива перед тем, как заплакать, окуная глубже свои ветви, было рычание, победные восклицания собак и нервный, надрывный скулеж загнанной кицунэ...

Холод. Сквозящий ветер. Последний солнечный луч. Снег, смешавшийся с дождем. Молодой Ичиро Накамура возвращался в ярмарки, куда возил свои товары...

===== И сильные умеют плакать (Ребекка Уокер/Шепфа) =====

Время... оно течет неспешно, как вода, обтачивая углы сложившихся проблем. Спустя века и тысячелетия, проведенные в Вечности, перестаешь заострять свое внимание на каких-либо совпадениях, случайностях, недопониманиях. Все это становится нормой, хотя раньше далеко не считалось ею.

Тихий неприятный свист крыльев, рассекающих воздух. Взмах, еще один, и еще...

шелест длинного тяжелого одеяния, что било по икрам, словно хвост морского дракона. Пустынная гряда угрожающе приближалась к ней — женщина уже заметила очертания плахи и белокаменных колонн, обрамляющих вход в грот. Аккуратно снижаясь, она приземлилась на слегка согнутые ноги и немного растерянно огляделась по сторонам, будто бы ожидая кого-то еще.

— Кого ждешь?.. — с горечью заметил голос в голове серафима. — Их больше нет... Зачем вообще после всего, что произошло, ты прилетела сюда?

В груди полыхнул огонек гнева и стих, так же мимолетно, как и появился. Звенящий цокот каблуков ее золотых сапог в тон нагрудным витиеватым щиткам отражался от гор, что стеной окружали это место. Быстрым шагом ангел миновала площадь казни, не поднимая головы. Эмоции все еще были сильны, и она не могла их полностью задавить в себе. Взойдя по мраморным ступеням, женщина скрылась в тени пещеры. Она пробиралась по узкому короткому коридорчику, прижав к спине золотые крылья, от которых в полной темноте исходило сияние. Впереди показалось озеро. Звук шагов мгновенно стих.

Холодные каменные изваяния Плачущих Дев встретили ее равнодушием. Ребекка подошла ближе, стараясь ступать как можно тише, и медленно опустилась на колени. Холод, смешавшись с рассеянным туманом, окутал ее лодыжки, поднимаясь выше. По коже побежали мурашки, а тело передернуло от неожиданности. Женщина присела на низкий бортик озера, поправив задрвшуюся ткань платья. Закрыла глаза. Воспоминания нахлынули сами собой.

Жизнь на земле. Спящая в колыбельке малышка Вики. Болезнь. Смерть. Школа Ангелов и Демонов, будь она неладна... Лекции, задания на земле. Весенний фестиваль прихода Шепфа. Тогда еще Мисселина только вливалась в коллектив, и они с Гекадой, будучи студентками, часто подшучивали над молодой учительницей, пользуясь ее неопытностью и рассеянностью. Сорванный праздник...

Факты из жизни беспристрастным списком отчеканивались у нее в памяти; буквы танцевали перед глазами женщины, текли, сливались, подобно бегущей строке вечерних новостей.

Подарок Шепфа... Это же она тогда подстроила, чтобы Кроули подумал, будто я испортила дар для Всевышнего... Это Гекада попросила помощи у Лилит и убила ту молодую непорочную девушку. Это ритуал — каждые тысячу лет Школа воздает дань Богу, что создал мир и землю, на которой та благополучно стоит.

Поток воспоминаний снизил темп, погружаясь в ворох событий прошлого. Вот Кроули отчитывает меня в коридоре за то, что я слишком долго не сводила взгляда с Шепфа... тут обвиняет меня в поджоге священной роши... да как я могла бы такое сделать, если я... я всем сердцем любила его. Однако все смеялись надо мной. Конечно, где Всевышний, а где была тогда я — простая Непризнанная, ни ангел, ни демон... Однако он все равно выбрал меня!

Душевная боль разгоралась с особой силой. Женщина погрузила кончики пальцев в голубоватую воду и провела из стороны в сторону. Ветер снаружи грота усилился, отчего перышки крыльев ангела невольно подрагивали в попытке хоть как-нибудь согреться.

Его взгляд... долгий, изучающий... вырывающий меня из толпы. Одобряющий, понимающий, теплый... я заметила это сразу. «Серафим Кроули, пускай тот, кто устроил этот беспорядок в мой день рождения, сам и искупит свою вину! Если вы утверждаете, что это сделала Непризнанная, то она тут же встанет на место павшей или же будет сослана в Ад навечно». Конечно же, директор не стал рисковать, он был юн и напуган не меньше

остальных. Но я была безмерно счастлива, хоть и скрывала ото всех.

Воспоминания напоминали ей различные ароматы из лавки пряностей на земле. Корица, мята, лимон и горьковатый жженный миндаль... Они били в нос, парили вокруг, вертелись на кончике губ, шепчущих какие-то несвязные слова.

Нам так было хорошо там, в Его чертоге... Мы упивались любовью, с каждым прожитым днем все больше укореняя ее, разжигая к утру тлеющий уголек с новой силой. Я была Его, а Он — мой... Наверное не было на Небесах существ счастливее, чем мы, и союза крепче... До определенного момента. После появления на свет сына, Старейшина предрек Шепфа, что младенец своим рождением расшатывает мировую гармонию, равновесие Рая и Ада. Ах... Нашел кого слушать, конечно — заросшего старикашку, вероятнее всего, благополучно выжившего из ума. Но Он прислушался... И хотел даже умертвить малыша, когда тот будет спать... Своего сына! Моего сына! Нашего мальчика!..

Она достала руку и отряхнула. Соленые капельки упали назад в родное лоно озера, в объятия миллиардов их братьев и сестер. Ребекка открыла глаза: пытливый взгляд прошелся и замер на противоположной стороне грота. Перед глазами пробежали картинки злополучного заседания совета Старейшин, потом — приговор усыпить сына Шепфа и заточить в башне Администрации для пущей надежности. Матери запрещалось его навещать, как и ему — выходить из отведенной комнаты.

И вот — снова грот Плачущих Дев, и вновь я вижу эти вечно скорбящие статуи, стоящие на ладони Шепфа. Прошло семь лет, а я все не могу смириться с утратой. Бонт... мой милый мальчик, как же так... Шепфа, прошу тебя, верни нашего сына, освободи его! Дай мне с ним хотя бы увидеться, в последний раз... Он уже подрос и возмужал... Я так скучаю по его искренней улыбке и нежным жарким объятиям. Прошу... Пожалуйста...

Слезы хлынули неконтролируемым ручьем из глаз серафима, что пыталась сдержать их из последних сил. Она закрыла лицо руками, прислонившись боком к основанию мраморной статуи. Тихие отрывистые всхлипы, вырывающиеся из груди, отдавались эхом в полной тишине. Дыхание участилось, кровь прилила к вискам, упорно пульсируя. Голова гудела, а горло пересохло.

Я не могу так больше... Каждый раз, когда возвращаюсь сюда, мне ужасно больно... Я не сильная, нет... это все было вранье, наглая ложь преподавателей, желающих повысить мою самооценку. Жизнь не так проста, как хотелось бы. Она полна личных выборов, которые влияют на будущее, и иллюзорных, что предоставляются тебе социумом, людьми, близкими... Любое решение должно быть взвешенным, каждое — хорошо обдуманное. Я потеряла сына... отдала от себя дочь... не отстояла Винчесто... Я ненавижу себя за это все!!!

Последняя фраза криком пронзила сквозящее молчание, отбившись от стен, пропадая в подземных катакомбах. Ребекка не выдержала и в порыве ярости метнула разбушевавшуюся внутри энергию в рядом стоящую статую. Сноп красных искр ударился о воздетые к небу руки в мольбе, и те с грохотом рухнули в воду, уходя ко дну...

— Прости меня, Бонт... Вики... Адмирон... Шепфа, голова идет кругом... Я чувствую, что теперь осталась совершенно одна...

Закрывшись крыльями от окружающего мира, женщина сидела, привалившись спиной к ногам хрупкой статуи девы, и не могла успокоиться. Она понимала, что теперь все кончено...

===== Одиночество (Люцифер) =====

— Четвертая полка снизу, — произнес Люцифер, кивнув на стеллаж с книгами.

— Спасибо, — в спешке бросила ему Вики, торопясь отыскать необходимую информацию, за которой пришла.

Урок окончился. Ангелы и демоны собрали тетради и группками покидали Библиотеку Ада; между стройными рядами книг то и дело сновал затылок Непризнанной. Вот Энди направился к ней, слабо тронул за плечо. Да как он смеет?! Хотя...

«Убогим следует держаться вместе, Ости» — всплыли в памяти слова, о которых он так старался позабыть. Демон опустил голову, уткнувшись в раскрытый перед ним фолиант. Краем глаза он заметил, как серокрылая парочка направилась к выходу, а через четверть часа зал полностью опустел. Было слышно, как высвистывает штраусовские вальсы пронизывающий ветер и как тихо поскрипывает приоткрытая дверь. Пустота и гробовая тишина, пропитавшие воздух, забирающиеся в легкие с каждым шумным вдохом.

Огонек свечи колыхался от холодного осеннего дыхания, умирая и воскресая вновь, от прикосновения тонких пальцев мужчины. Люцифер снова и снова перечитывал одну и ту же страницу «Пира», не разбирая слов: буквы перед ним, точно сбивчивое пятнышко пламени, танцевали на выцветшем пергаменте, не давая погрузиться с головой в чтение. Лунный свет проникал сквозь стрельчатое окно готического зала Школы, разрезая мрак, точно лезвие острого клинка — черный бархат камзола противника. Демон замер, закрывшись от окружающего мира, уходя в себя. Это так было ему знакомо: просто один, совершенно один. И никому, никому не нужен... ни родителям, ни учителям, ни друзьям.

«Отец... постоянные нравоучения, а если ослушаюсь повторно — удар... еще один, ведь, с первого раза не понял... за ним — еще и еще, пока не упаду перед ним или не попрошу о прощении» — говорил внутренний голос.

Пыль неожиданно взметнулась от нового порыва ночного ветра с верхней полки, осев на старый дубовый паркет. Мысли, рождающиеся из хаоса в голове, облекали форму и уже не задерживались внутри, а выплескивались наружу, как будто бы им было тесно в костных тисках черепной коробки демона.

— Почему так... — одними губами прошептал юноша. — Почему я, как оборванец-щенок должен скрываться тут, в этой забытой Шепфа библиотеке на отшибе Ада, дрожа за целостность своей шкуры?.. Почему он позволяет себе так со мной обращаться?! Это недостойное поведение для правителя Преисподней!

На последней фразе демон уже не сдерживал свои эмоции, выкрикивая отдельные слова с особой злостью. Злостью, что сидела в нем так долго... всю его бесконечно долгую жизнь. Крик то сменялся на грозное шипение, то на иступленный вопль, за которым следовало минутное молчание и размышления.

Да и назовешь ли это жизнью? Так, существование... Родители — одно лишь слово, ничего не значащее. Мать родила и оставила меня. Она умерла, и я никогда не прощу этого себе. Отец возненавидел тот день, когда я появился на свет: именно поэтому он так жаждет свести меня в Небытие. Чтобы не видеть плод порыва своего бурного желания... Я был незапланированным ребенком, стал, как он твердит, наследником не по праву, хоть это не так. Отец для меня был всем миром, который я так хотел познать, а он велел стражу не подпускать меня к себе. Сын Сатаны, выросший без любви и ласки, — что может быть ужаснее, да, Уокер? Конечно, ты же любишь ушами и выбираешь смазливеньких, что будут за тобой бегать, словно шавки, а я постоянно пропадаю из вида, неприветлив, нередко в синяках и ссадинах.

Наставники? Да кому я из них нужен-то: Серафиму Кроули? Геральду? Ангелу Фенцио? Хвала Мамону, я еще не запис в этой гнилой школе, где отношение к тебе меняется по настроению Шепфа; где с каждого угла сквозит сыростью, лицемерием и наглой ложью, прикрытой благими намерениями; там, где преподавателям плевать на безопасность учеников в угоду какой-либо из двух сторон. Здесь нет Ангелов и Демонов в первоизданном виде, как нет в природе чистого белого и черного цветов. Тут борются за место под солнцем обычные существа, различающиеся лишь цветом крыльев и атрибутикой. Им противостоят существа, стоящие выше них по рангу, который они, к слову, сами же и придумали для упорядочивания небесного и подземного общества. Сами себя короновав, они решили, что могут править миром, однако никто из них ни на капельку не приблизился к этой огромной чести — быть владыкой всего сущего. Высшие недостойны своих мест, которые они занимают... Остальные унижены ими, втоптаны в грязь, не имеют права голоса. И это, кажется, никогда не прекратится.

Друзья... друзья... — задумчиво протянул Люцифер, поразмыслив над этим словом, наслаждаясь каждой его буквой, перебирая их, точно бусины четок. — А разве есть они? У меня нет. Не думаю, что здесь можно хоть кому-нибудь доверять. Слишком больно потом получать удар в спину. Не хочу... Хватит...

В голове упорно стучала мысль: «Зачем ты себя мучаешь этим разговором? Что ты хочешь доказать?». Как бы отвечая на этот вопрос, Люцифер произнес:

— Я не знал, как мне жить дальше. Я долго задумывался над этим, и то же сейчас... Я чувствовал, что потерял что-то ценное... потерял... цель своего существования. Все эти годы я жил одним призванием, предназначением, имя которому — Власть. Но я не желаю править, я хочу мира... Впервые за все прошедшие тысячелетия я почувствовал, как в мою жизнь неожиданно ворвался человек, ради которого стоит жить. Жить, не существовать. Не прожигать жизнь. Быть, а не казаться. Впервые мне стало не так одиноко тут, в Школе Ангелов и Демонов. Впервые появилась цель, на пути к которой я не вижу для себя ни единой преграды, стараюсь не замечать препятствий. Я ощущаю, что она как никто другой способна понять меня, стоит только открыться ей, но... что-то останавливает меня... книги, книги, книги... как я устал от всех вас!

Люцифер резко отшвырнул от себя толстенный том в дальний угол. «Пир» распался на отдельные листочки, потрескавшийся корешок книги оторвался и улетел под тумбу со стопками свитков, перевязанных алыми лентами; в следующее мгновение они покатались следом за кожаной обложкой. Ярость кипела в нем, с каждой секундой умножаясь в геометрической прогрессии. Демон вскочил из-за столика, опрокинув его: стопка книг, заботливо оставленных библиотекарем, с грохотом упала на пол. Но мужчине этого было мало. Глаза налились красным, а вена на шее вздулась, явно проступая под тонкой смугловатой кожей, и дрожала, отбивая бешеный пульс. В порыве гнева Люцифер взмахнул крыльями, подлетая к полкам, сбивая с них остальные труды мертвецов.

— Я не хочу так! Не могу больше... Я не сильный, отец, это ложь! Я слаб, да, я слаб... Это так низко — скрывать свои истинные чувства под маской спокойствия или грубости... Я не буду больше играть по твоим правилам! — снова крик, полный отчаяния и боли, пронзающий безмолвие библиотеки. И только тишина стремительно опустошающихся шкафов отвечала на его зов смирением. Листы вздымались в воздух, словно птицы, и опускались на пол, подобно опадающим листьям. Все было как в замедленной съемке: Люцифер бил себя кулаками в грудь, его тело трясло; оно извивалось под натиском

внутренних демонов, снедающих мужчину изнутри.

— Что дальше? Как быть?.. Я не знаю, как правильно лю... — каждое слово давалось ему с трудом. Тяжелый воздух, оседая внутри него черным смогом, тянул вниз со сверхприродной силой. Кости выворачивало наружу, словно Люцифер хотел скинуть свою человеческую оболочку и предстать настоящим — душевная боль перешла в физическую, разрывая тело, истязая душу...

Один... всегда один... книги, зачитанные до дыр, — единственные знакомые, понимающие его... стены библиотеки, слышавшие его вопль отчаяния, угол из стеллажей, ставший ему родным домом... грозный, ненавистный отец... и любимая, которая даже не догадывается о его чувствах к ней... Энергия, неожиданно выплеснувшаяся морской волной из демона, так же резко исчезла: ноги мужчины пошатнулись, и он с силой уперся в одну из полок стеллажа, пытаясь сохранить равновесие. В голове он слышал голос, не свой голос... перед глазами пошли пятна, интерьер начал плыть, изменяться... и перед ним предстал школьный двор, в центре которого стояло священное дерево, охваченное пламенем.

— Убей их... всех... — раскатистым гулом прокатился злорадный шепот... и стих.

Люцифер лежал, опершись спиной о стену рядом с шкафом, а около него сидела Мисселина, вытирая влажной тканью пот с его пышущего жаром лба.

— *Quid accidit, Lucifer?* — дрожащим голосом спросила она. — *Quid tu vides?*

Комментарий к Одиночество (Люцифер)

Quid accidit, Lucifer? (лат.) Что случилось, Люцифер?

Quid tu vides? (лат.) Что ты видел?

===== Об этом никто не узнает (Вики Уокер, Геральд) =====

Комментарий к Об этом никто не узнает (Вики Уокер, Геральд)

Продолжение драббла «Одиночество» о Люцифере. Давайте посмотрим на него «по другую сторону»...

Выйдя из библиотеки вслед за Энди, девушка хотела было полететь к Водовороту со всеми Непризнанными, но раздавшийся позади нее грубый мужской голос и чья-то широкая ладонь, вцепившаяся в плечо, остановили ее. От неожиданности Вики обернулась и увидела Геральда. Волнение в глазах и немного неопрятный вид выдавали его с головой: что-то произошло...

— Вики, куда ты пропала в середине пары?

— Я... была на занятии, сэр! — как можно убедительнее промямлила она.

— Тебя там не было. Я видел. Объяснитесь.

— Я... — девушка замешкалась, подбирая слова. — Понимаете... дело в том, что...

— Догадываюсь, что ты ищешь. Не думаю, что книгу по целебным свойствам ромашки... Это библиотека Ада, тебе нужно нечто другого порядка. Однако ты не найдешь в той, что взяла, ничего толкового. Никто не найдет, — произнес негромко учитель.

— Почему вы так уверены в этом? — в глазах Вики мелькнул немой вопрос, брови подпрыгнули от удивления.

— Книги переписывались после прихода к власти Сатаны. Вы ничего ненужного в них не найдете, не утруждайтесь. А все, что вы ищете, находится не там, а здесь, — он отпустил ее плечо и приложил указательный палец к виску, склонив немного голову набок.

Вики посмотрела ему в глаза, но он разорвал этот неожиданно завязавшийся зрительный контакт, закрыв их, и прошептал сквозь зубы: «Не здесь и не сейчас, мисс Уокер!». Открыв глаза вновь, он подошел к ней вплотную, так, что девушке стало даже

немного не по себе, и выхватил у нее из рук книгу. Повертев в руках, он тотчас вернул ее, собираясь уходить.

— На той же странице, мисс Уокер, на той же странице... — загадочно сказал он, удаляясь от нее вглубь шумного коридора Ада.

Вики ошарашенно озиралась по сторонам. Энди куда-то пропал. Наверное, убежал, как только завидел Геральда... спас свою шкуру от... эх, друг, называется... мда — подумала она, приоткрыв книгу на закладке, что каким-то мистическим образом в ней появилась.

— Тебя же не было zde... Что? А? Ого... — девушка увидела, как на странице, поперек основного текста, расплзается послание: «Направо, до конца коридора, потом снова направо. Архив библиотеки Ада. На столе тебя ждет то, что ты ищешь. Не мешкай, времени мало. Что сумеешь и успеешь прочитать — то твое. Действуй!»

Девушка в тот же миг, не раздумывая, рванула с места и, точно ракета, ринулась в правый коридор рядом с читальным залом. Хвала Шепфа, занятия подошли к концу, и некому было ей предъявить за превышение скорости полета в узких коридорах Школы...

Чуть не врезавшись в дверь, ученица вихрем ворвалась в маленькую каморку. Снаружи вход показался ей массивным, но, как только ангел зашла внутрь комнатки, дверь начала уменьшаться, пока и вовсе не исчезла, растворившись в напирющей стене.

— Но... в смысле... Что за чертовщина? — ошупывая стену руками, надавливая на кирпичи, возмущалась Вики.

«Ты теряешь время. Быстрее иди к столику и читай!» — прогудел в голове мужской голос, призывая ее быть благоразумной и не поднимать лишний шум. Девушка замерла, и в следующий миг повернулась обратно к небольшому столу, на котором лежала книга. Вокруг больше не было ничего, что бы создало уютную атмосферу, поэтому чувство тревоги, поселившееся внутри, ни на секунду не покидало ее. Сдув с корешка пыль, Вики прочитала название:

«Книга желаний. Спроси, и будешь услышан»

Открыв и полистав ее, ученица увидела, что та пуста. В голове раздалось: «Спроси у нее... Ты же умная, Уокер! Скорее», и девушка как на духу произнесла:

— Как снять заклинание с Башни и освободить Бонта?

На странице появились знакомые ей буквы, говорящие, что заклятия может снять тот, кто их накладывал. То есть, Великий Заклинатель, Фидеро.

«Уокер, ты теряешь время! Спроси про другое, про то, что ты никогда нигде не сможешь узнать... Я не смогу вечно прятать тебя тут!» — голос Геральда рычал внутри головы, напоминая звук моторов тысячи мотоциклов на гонках.

— Сейчас... да... Скажи, кто такой... этот, ну как его там... о, Шепфа, я, кажется... забыла его имя... — нервно схватилась за голову Вики.

— «Соберись! Ты его знаешь. Я не могу тебе подсказать, или книга рассыпется в пепел. Ты должна вспомнить... сама».

Но тут ее отвлекло что-то от внутреннего голоса, диктующего указания, от книги, раскрытой на столе перед ней; девушка начала нащупывать рукой стул, чтобы присесть. Ничего не отыскав, ангел села на пол, сложив крылья и прислонившись затылком к прохладной стене. Голова кружилась, мысли путались, перед глазами стояла стена тумана. И тишина, разрезающая свистящей стрелой воздух.

Так прошло несколько минут. Голос преподавателя тщетно пытался вернуть ее в реальность, но Вики было не до него — она прислушивалась к шорохам и тихому шепоту

смежного с каморкой архива помещения — читального зала. Вначале ученица не слышала ничего, потом шепот усилился, перерастая в дикие грубые вопли. Она никак не могла понять, кому принадлежит этот голос:

— Он мне кажется очень знакомым... сильно... как же его зовут, как... ничего не помню, имена путаются в голове... Фенальд? Миссецио? Астрофер? Люно? Дилан? — сердце бешено колотилось, отбивая об ребра «Полет шмеля». Вики не помнила имен. Никого. Только лица и голос...

За стеной послышались возня, потом — громкий шум упавшего стола и книг. Приникнув ухом к холодному камню, она прислушалась еще сильнее, пытаясь разобрать слова.

«Родители!.. Отец!.. боль, снова боль... Наставники... хах... Друзья... их нет... Любимая... Я ощущаю, что она... способна понять... стоит только открыться... но... что-то останавливает меня... устал... — отвечал неизвестному мужской баритон срывающимся голосом. — Я не хочу! ... не сильный... то ложь! Я слаб...»

— Это же... Люцифер! — отшатнувшись от стены, прошептала Вики, вынырнув из дурманящего разум тумана. — Он... любит кого-то... любит... сын Сатаны, способный на чувства, не умеющий их правильно выразить...

Сквозь наворачивающиеся на глаза слезы она услышала робкий шепот: «Как быть?.. Я не знаю, как правильно лю...», а спустя минуту — гулкое падение, будто с лес вниз сорвался мешок с цементом. Ангел не знала, как помочь демону, — Вики была заложницей обстоятельств. В истерике девушка начала колотить кулачками в стену, но ее стук вряд ли кто-то мог слышать. Нервы были на пределе. Сердцем она чувствовала неладное; не успела девушка моргнуть, как глаза ее вновь закатились, и Вики увидела Библиотеку, а перед ней — распростертого на полу Люцифера. В коридоре послышался шорох крыльев. Девушка бросилась к мужчине, опустившись около его тела на колени, и, обхватив его голову руками, приподняла ее; потом похлопала по щекам, пытаясь привести его в чувство, потрясла за плечи... тщетно.

— Lucifer... Lucifer! — настойчиво повторяла Вики, теряя надежду, умоляя его отозваться. А слезы вычерчивали кривые холодные дорожки, падая на пол с ее красных щек и распухшего шмыгающего носа.

— Я... я... не буду больше играть по твоим правилам... — отвечал демон, не открывая глаз. — Я лю... лю...

— Что, Люцифер? Что ты видишь? Говори, — не просила — кричала — ангел.

— Нет... я не могу... нет, не скажу, ни за что... ей не скажу, — боролся он.

— О чем не скажешь? — с гневом обратилась к нему девушка, тряхнув за плечи еще раз.

— О том, что я... люблю Непризнанную, дочь серафима Ребекки... — одними губами прошептал он, откинувшись назад и замерев бездыханно.

— Люцифер!.. — закричала Вики и очнулась вновь в архиве. Над ней склонился Геральд, помогая ученице подняться с пола.

— Где он?!.. — с вызовом спросила она преподавателя. — Что с ним?

— Люцифер в надежных руках, под присмотром Мисселины в Лазарете, — ответил ей демон. — И тебе не помешало бы тоже обратиться за помощью: вон, все костяшки стерла в кровь... Лететь сможете?

— Постараюсь... — неуверенно протянула ученица.

— Я провожу вас и проконтролирую, чтобы ничего не случилось в пути, — немного

саркастично бросил Геральд, расправляя черные крылья и летя чуть позади нее.

— А где книга? — спросила его Вики, понемногу приходя в себя. — Что в ней было написано про Мальбонте?

— Время вышло. Теперь об этом никто не узнает... — ответил учитель, струшивая остатки пепла со своего плаща.

===== Кромешная тьма (Влад/Лале) =====

— Восемнадцать лет... Восемнадцать долгих лет я официально не мог находиться тут. Однако теперь все иначе — я здесь! Наконец-то это закончилось!

Первые слова, что услышала Валахия, когда на ее земли ступила нога потомка великого графа Дракулы и дочери османского султана.

В Румынии уже бушевал декабрь, с его холодными противными ветрами, что так и норовили, посвистывая, забраться в дома через щели в деревянных рамах. То тут, то там небо посыпало леса и поля белой зернью. Медленно и настойчиво приближалась зима... Юноша неспешно заехал через распахнутые ворота на территорию замка и заглушил двигатель, припарковавшись рядом со входом в сад. Когда-то тот был прекрасным, цветущим и ухоженным, нужным обитателям особняка, а теперь... Все заброшено, разрушено, забыто... Выходя из машины, он прихватил с собой небольшую папку для бумаг и телефон, захлопнув дверь.

— Дом... — разведя руки в стороны и шумно втягивая носом воздух, произнес Марко Тепеш, наслаждаясь окружающей его тишиной.

Наследство? — это, конечно, одно из немногих, что могло привести едва успевшего повзрослеть юношу сюда, но нет... И, хоть сейчас в левой руке у него были заверенные документы на замок и завещание, вернулся назад он не только по этой причине. Нечто незримое манило его сюда... притягивало, словно магнитом. Юноша не мог объяснить этого ощущения; он внутренне знал: «Что-то должно произойти». Однако что именно? — оставалось загадкой.

Войдя внутрь замка, Марко замер около дверей: его встретил неприветливый полумрак холла, которому было очевидным образом недостаточно нескольких канделябров со старыми оплывшими свечами. Воздух — затхлый, спертый, — говорил о том, что последние лет пять окна здесь не открывали. Дойдя до лестницы, Марко не встретил никого из слуг, что немного насторожило его. Однако в тот момент, как мысль позвать кого-нибудь родилась в его голове, на втором этаже послышались чьи-то уверенные шаги, а за ними — дробные, семенящие, очевидно, женские. За углом раздался тихий детский смех.

— Есть кто? Я — ваш новый хозяин! Так вы встречаете свое потенциальное начальство, а?.. — задрав голову вверх и перекинувшись через перила, крикнул Марко. Голоса наверху стихли, топот ног перешел в еда различимый шелест листьев.

«Черт побери, они что, прячутся от меня? Что за бред...» — ругнулся про себя юноша, поднявшись по витой лестнице на верхний этаж и никого там обнаружив. Все это время его машина с вещами стояла на улице, и через одно из окон этажа Тепеш видел, что никто не собирался помочь ему расположиться. Замок встретил его неуютно и холодно, как будто отец — провинившегося сына. Чем больше Марко петлял по коридорам левого и правого крыла здания, тем больше сомневался в том, что вообще сможет выйти отсюда.

— Да поможет мне хоть кто-нибудь с чемоданами? — возмущенно воскликнул он. Эхо повторило за ним: «чемоданами... данами... нами...». И вдруг в ответ на это юноша услышал шепот: «Сюда, господин...». Обернувшись, он заметил в конце практически

неосвященного коридора небольшое движение и пошел на звук. Подойдя ближе к фигуре, он узнал ее... Это была его мать, Кэйтилин.

— А... что ты, позволь спросить, здесь делаешь, мама? — с нескрываемым волнением произнес Марко, протягивая к ней руки для объятий. Она немного отстранилась, — Где ты была все это время? Почему ты оставила меня там, промокнутого, на бетонных ступеньках дома для брошенных? Чем я тебе не угодил?

— Не время для старых счетов. Ничто не вечно, сынок, и твоя злость скоро пройдет, растает как дым. Прости меня, так было необходимо... Как все-таки много и, одновременно с этим, мало времени нам дарует жизнь друг на друга, — она обвела взглядом свое укромное пристанище. — Мне пора, обустройся.

С этими словами женщина вышла из темного уголка, направляясь к свету лестницы, а края ее длинного полупрозрачного платья, напомнившего сыну восточный танцевальный костюм, змеиными языками волочились за ней по полу. «Но на улице — начало зимы, куда это она в таком виде? И особняк не отапливается полностью, только лишь камин...» — подумав, Марко схватил с крючка первое попавшееся старое мужское пальто и бросился за ней вслед. Но, пока он на секунду замешкался, женщина уже скрылась из виду, а лестница, бывшая посреди дома... исчезла.

— Глазам своим не верю... Как это?.. — вытаращив глаза, прошипел себе под нос Тепещ, вперив прожигающий взгляд в то место, где несколько минут назад были ступеньки, по которым он поднялся наверх. Вдалеке послышался гул, а потом — душераздирающий вопль и стоны, доносящиеся от толстых древних стен — «зрителей партера» разворачивавшихся некогда здесь действий. «Это. Просто. Легенды!» — остудил свой молодой пыл юноша, отмечая предположения о замурованной заживо в стене замка жене архитектора. Он прекрасно знал предание своего народа, эту легенду о Мастере Маноле и груди прочих, но не верил в них. Однако теперь он не был полностью уверен...

Через мгновение гул пронесся снова, сильнее, ближе. Что-то тяжелое ударило в стену замка, отчего она загудела, словно разъяренный рой пчел, загнанный в пустую коробку дымарем. Казалось, за его пределами можно было различить властные призывы военачальников, стук их шпор по мраморным ступеням и каменным стенам крепости, передающим лучникам сигнал для защиты замка от внезапной осады. Марко не понимал, что происходит: нажав на кнопку подсветки в часах, юноша обнаружил, что едва заметная минутная стрелка идет в обратном направлении, а секундная — исчезла вовсе. Оглядевшись, он заметил, что в том закутке, где он недавно обрел свою мать, Кэйтилин, теперь нет шкафа с верхней одеждой — вместо него была каменная арка, через которую открывался вид на приусадебные земли. Подойдя к ней, Марко, немного прикрыв глаза рукой от неожиданно резанувшего по глазам лунного света, вышел наружу. Перед его глазами развернулась небольшая смотровая площадка, которой юноша не видел, подъезжая к своим будущим владениям. «Может, с другой стороны все-таки была, а я спешил и не разглядел?» — с каждым преображением замка его вопросы самому себе и своей памяти звучали все более неубедительно. Юноша не понимал, что случилось и почему так быстро стемнело, но то, что он увидел, подойдя к краю платформы, повергло его в не меньший шок — к замку приближалось войско. В авангарде — два ряда всадников, за ними — лучники, далее — сомкнутые ряды пехоты. Впереди всех на гнедом коне и с шашкой ехал их предводитель, Мехмед I Злой. Несколько сотен пехотинцев тараном пытались пробить брешь в стене, другие — взбирались на нее. Во дворе толпились воины, сбрасывая врагов со стены назад,

разгоняя толпу слуг, отводя женщин и детей в укромное место, где они могли бы переждать осаду.

Внезапно рядом с ухом Марко послышался свист, и в ту же секунду горящая стрела вонзилась в древко флага, слегка царапнув юношу по правой щеке. Он тут же пригнулся и отполз в сторону, спрятавшись за бочками с вином и водой. В моменты, когда стены замка содрогались от очередного нападения вражеского тарана, юношу охватывал страх. Где он оказался? Как это произошло? И зачем он здесь?

«Вот как чувствовал... Непокойно было на душе, когда ехал сюда... не стоило. Матерь Божья, что же будет... подай знак, что мне делать» — взмолился он, и в тот же момент вновь слышались тяжелые шаги. Кто-то бежал по лестнице наверх, к смотровой площадке. Марко затаил дыхание: казалось, прошла вечность, пока он не увидел мелькающий силуэт девушки. Она пронеслась сквозь арочный пролет, словно ласточка; ее белое платье было украшено серебряными нитями, лунными лучиками спускающимися от пояса к стопам. Одевание было также тонким, едва осязаемым. «Как и у мамы...» — подумал юноша, наблюдая за ней. Девушка стрелой промчалась, оказавшись у противоположной стороны площадки, и резко обернулась на грубый мужской голос, окликнувший ее.

— Остановись! — слово сорвалось тихим шепотом с губ Марко и слилось с неизвестным гортанным криком.

— Нет, Влад, я не могу... — пыталась противостоять незнакомцу девушка, вытирая текущие по щекам слезы тыльной стороной ладони. — Я не вынесу турецкого плена и издевательств. Нет... уж лучше так...

И она неспешно откинулась назад, отдавая свое легкое, как пушинка, тело в объятия ветра.

— Лале, нет!!! — пронзительный звериный крик, еще миг — и черноволосый мужчина пробежал около Марко. Юноша тоже не выдержал и выскочил из временного убежища, однако Влад, похоже, его не заметил. Подбежав вместе с ним к краю, мальчик остановился, а мужчина, не думая, ринулся с башни вниз, вслед за ускользающей из виду крохотной птичкой.

Марко, ошарашенный, бросился назад к арке. Заметив ступени, начал быстро по ним сбегать вниз. Это продолжалось бесконечно долго, но наконец-то он выбрался в холл. Теперь там было все иначе — везде лежали персидские ковры, на стенах — гобелены... и тысячи свечей, отчего коридор казался скорее солнечной рекой, нежели просто комнатой. Вдруг двери распахнулись, предупредив своим громким ударом о прибывшем госте. В замок гневно вошел граф Дракула: на руках он нес маленькое хрупкое тельце, завернутое в темный плащ, из-под которого безжизненно свисала тонкая женская рука.

Зайдя в покои, он положил несчастную на низкое ложе, убрав из-под головы подушки и подперев ими бока; от резких передвижений девушка застонала от боли, пронзившей ее тело.

— Лале... Моя бедная Лале, ты слышишь меня?.. — бережно взяв за кончики пальцев и едва коснувшись их губами, прошептал Влад.

— Да... — слабым голосом ответила девушка, закашлявшись. — Не вини себя... ни в чем... Силы покидают меня... Я уже не чувствую стоп...

— Не говори так, солнышко мое, ты будешь жить! Я послал за лекарем, он мигом придет и поможет тебе... — с каждой фразой голос мужчины становился все ниже и ниже, дрожа от страха перед неизбежным. — Дыши, душа моя, прошу тебя, дыши... сейчас тебе станет легче... зачем, ну зачем...

— Я не вынесла бы жизни там... без тебя, любимый, — протянула едва слышно Лале, поднимая на него бездонные глаза, подернутые предсмертной дымкой. — Пожалуйста, посмотри на меня...

Взгляд темных как ночь глаз Влада встретился с ее, бывшими некогда голубыми, глазами. Горячая слеза хрустальной каплей скатилась от уголка глаза к складке носа, пробежав до подбородка, и упала на грудь. Пару секунд взгляд ее был сфокусирован на нем, а потом ее тело обмякло, а голова упала на бок. Влад приобнял ее за плечи, повернув голову, и вновь увидел ее глаза, — не такие, как раньше. Страшный взгляд смерти... взгляд, обращенный в пустоту... Внезапно осознав все, граф резко отпрянул от постели, издав утробное рычание, на которое не способен был никто из живущих людей, и отчего внутри Марко, наблюдавшего за происходящим в дверном проеме, похолодело. Подбежав к изголовью, мужчина бросился перед любимой на колени, не в силах сдержать внутри себя тот шквал эмоций, что овладел им. Положив черную голову на руки, упершись в шелковое покрывало, он замер, не издав больше ни единого звука. «Он прощается с ней...» — мысленно произнес Марко Тепеш, отвернувшись от них, не в силах сдерживать слезы, подступившие к глазам. Спустя время Влад поднялся с колен, нависая над телом умершей, и, прикрыв пальцами ее закатившиеся глаза, прошептал:

— Я отомщу за тебя, свет моей души... — и резко выбежал из комнаты.

На этом моменте сознание покинуло наследника: в глазах потемнело, голова закружилась,

юноша опустился на валявшийся рядом со входом тюфяк...

Очнулся он уже на кровати в неизвестной комнате. Солнечные лучики настойчиво пробивались внутрь сквозь не до конца прикрытую штору.

— Где я? — неожиданно для себя, пробормотал Марко, приподнимаясь на локтях.

— Вы в безопасности, хозяин, — взяв за плечо, тихо ответил Валентин, спокойно опуская его на подушки.

— Что со мной стряслось?

— Вы — самый богатый человек Румынии, унаследовали сегодня огромное состояние, сильно устали в дороге, из-за перенапряжения упали без чувств прямо на пороге особняка, не пройдя и пары метров от машины.

— Но... как же...

— Отдыхайте, господин. Сейчас вам нужен сон, — последнее, что услышал Марко перед тем, как вновь закрыть отяжелевшие веки.

Комментарий к Кромешная тьма (Влад/Лале)

Попиваю чаек, завернувшись в плед, правой пяткой набрасывая отчет по производственной практике и жду вас, мои солнышки)

Как думаете, стоит ли продолжать стекольный сборник по КР, или лучше начать новый мини?

===== Желание (Аслан/Лале) =====

В саду Султана днем было оживленное движение. Звуки птиц, перекликавшихся друг с другом, стрекот кузнечиков в траве, шуршание стрекоз, тихие перешептывания наложниц, направляющихся к наставнице гарема, грозные голоса военачальников вдалеке, отдающих приказы. Все это многоголосие звуков заглушало то, что сказала девушка, обнимая юношу за шею в глубине аллеяки пьянящих ароматом жасминов.

— Ах ты... — выпалил оживленно валахиец, утягивая ее за очередной пышный куст.

Лале заливается звонким смехом, пытаясь по-детски сопротивляться и щекоча друга, от чего он тоже смеется.

— Ты обещала мне кое-что. Забыла?

— Ахахах, такое забудешь... — ответила девушка, нежно проведя ладонью по гладкой мужской щеке, спустившись к шее. В следующий миг она коснулась своими губами его губ, утопая в долгом поцелуе, в который завлек ее юноша в ответ.

Эта случайная встреча в саду падишаха навсегда отпечаталась в памяти Аслана. «Как... как она могла... предпочла его мне... но... чем я хуже?» — спрашивал рыжеволосый парень себя каждый раз, когда встречался взглядом с Владом на тренировках или на конюшне. Он не понимал, что происходит. Раньше они так мило дружили, были везде втроем, помогали друг другу, защищали в трудную минуту. Просто неразлей-вода, а сейчас... Аслан пытался объяснить происходящее, чтобы успокоить закрашившую внутри обиду на того, кого он назвал некогда братом, и погасить гнев на возлюбленную — Лале, нежный весенний цветок его сердца. Тяжелые мысли об измене ни на шаг не отпускали его: проходя мимо гарема и комнат девушек, он то и дело заглядывал украдкой в цветное стеклышко островерхих окон-витражей, желая хоть мельком увидеть знакомую фигурку. Ее хрупкий силуэт, тонкие руки, грациозность в движениях и глубокий взгляд светящихся озорством глаз — такой он запомнил свою прекрасную Лале, чей образ часто посещал его во снах и наяву.

Он любил ее... так искренне, отрадно... До трепета пальцев, до исступления, до беспометства... И, пребывая в этом беспредельном чувстве, отдавался ему без остатка, не жалея себя, своего времени и сил. Он с улыбкой вспоминал их первую встречу в школе на уроке у ходжама Мустафы, их тайные прогулки под покровом тьмы, когда небосвод озаряли лишь едва поблескивающие звездочки и луна, протягивающая к ним свои серебряные нити. И первый поцелуй под дикой омелой, растущей в глубине сада, у самой его ограды. «Тогда она сказала, что будет только моей, что будет ждать, пока закончится обучение в школе и я смогу поступить в султанскую гвардию, чтобы повысить свой статус и быть достойным ее руки в глазах придворных и Мурада II» — промелькнуло в огненной голове. Теплые воспоминания обволакивали его душу, согревали юношу вечерами, когда девушка не могла скрыться от строгого надзора наставницы и сбежать с ним.

Вот и сейчас, направляясь в столовую на обед, Аслан снова мельком взглянул в окно. К сожалению, в комнате никого не оказалось: девушек забрали помогать накрывать столы для трапезы гостей султана, прибывших с договором о ненападении и свободной торговле из далекой Нормандии. Понурился, юноша прошел дальше, погрузившись в свои мысли.

День пролетел стремительнее, чем казалось на первый взгляд. На закате мальчиков и девочек поскорее отпустили в свои покои, — в гареме намечалось пышное празднество, и наставники должны были на нем присутствовать. Аслан, отправив весточку, остался ждать, сидя в тени аллеи кипарисов и наблюдая, как закатное солнце медленно уползает от него. Он очень много думал в последнее время, что сделал не так, где оступился и как исправить ситуацию. Что будет дальше с ним и Лале, да и будет ли что-то? Она не приходила к нему уже неделю, не присылала записочек, бывших некогда частыми... вот старые лежат грузом мертвых листков на дне кармана, храня в себе обрывки фраз на арабском, а пляшущие иероглифы на них рассказывают о том, когда влюбленные вновь обретут друг друга и растворятся в жарких объятиях, позабыв о проблемах, что принес им завершившийся день. Он смотрел на горизонт, далеко-далеко, сквозь пространство и время, вспоминая свое прошлое.

Аслан не знал, откуда он прибыл сюда и кем были его родители. Единственное, что он помнил, — как мать поцеловала сына в рыжую макушку, сажая на телегу с остальными плачущими детьми, также отнятыми у других матерей по приказу Повелителя. Ее кроткий взгляд, полный горя и неразделенной тоски провожал мальчика, пока фигура матери не скрылась вдали за кронами деревьев. Юноша закрыл лицо руками, не сдержав порыв воспоминаний, прогоняя нелегкие мысли и настраивая себя на хороший лад. Невдалеке слышались громкие голоса, музыка лютен и цимбал, доносящиеся из покоев Султана и общего зала. Разгоряченные тела восточных красавиц изгибались в манящем танце, зачаровывая пришедших, затуманивая разум, расслабляя. Вдруг рядом с тропинкой послышались чьи-то шаги. Молодой воин обернулся и вскочил на ноги. Перед ним стояла она — та, кого он с таким упоением и жаждой ждал. Девушка подошла ближе и замерла в шаге от него. Аслан распахнул свои руки, пряча ее маленькую светло-русую голову на своей груди, укрывая в объятьях от всего бушующего вокруг мира. Та приняла его порыв, но не слишком охотно, что мимолетом передалось и юноше:

— Что с тобой, любимая? Я так долго ждал нашей встречи! Как ты?

— Все хорошо, мой лев. Я, как и раньше, весела и здорова, все хорошо...

— Но почему ты ничего не писала мне? Я волновался, что с тобой что-то случилось.

— Эм... нет, все в порядке, Аслан. Не беспокойся обо мне, все правда хорошо.

Пройдя к небольшому озерцу, они присели на берегу: Аслан заботливо постелил на землю заранее припасенную холщовую ткань, чтобы девушке не было холодно сидеть, и с улыбкой отстегнул свой плащ, заботливо накинув ей на плечи со словами «Не простудись, солнце мое, или Шахи-хатун мне голову оторвет!». Девушка, кротко улыбнувшись в ответ, укуталась в него — от воды и вправду веяло прохладой.

— Аслан... — начала было она после долгого молчания.

— Да?

— Ты... ты сам-то как? — передумав, спросила девушка.

— Я... да вроде тоже ничего... вот, тренируюсь, делаю успехи...

— Молодец... — протянула Лале, не зная, как продолжить разговор.

Паузы тянулись одна за другой. Рыжеволосый юноша чувствовал, как девушку они тревожат, но при этом она не спешит с ними распрощаться — наоборот, Лале позволяет тишине строить невидимый барьер между ними. Подвинувшись к девушке ближе, Аслан приобнял ее за талию, губами приник к девичьему виску, вдыхая аромат волос. Лале дернулась, переборов порыв отстраниться от него, а через мгновение встала, отряхнувшись. Молодой человек, все еще ничего не понимая, с изумлением смотрел на нее, не произнося ни слова. Девушка замерла, в глазах ее вспыхнул огонек страха.

— Лале, скажи, что случилось тогда, в саду между вами? Я же имею право знать, — не выдержав, с напором высказал Аслан, пытаясь удержать девушку, но та поспешно выдернула рукав из его хватки и убежала по той же тропинке, что они пришли сюда, в дом, оставляя юношу одного в пышном благоухании магнолий.

Утром Лале-хатун, проснувшись ни свет ни заря, наспех умылась и, одевшись, побежала на тренировочную площадку. Влад обычно тренировался на рассвете, пока все мирно спали, укутавшись одеялом с головой. Немного дрожа от утреннего холода, девушка подошла к деревянному заборчику. Черноволосый юноша, заметив ее, вложил меч в ножны и поспешил к ней. Выйдя из-за ограждения, поприветствовал маленькую госпожу, приобняв ее. Отпустил он ее не сразу, а лишь когда услышал ее тонкий, немного сиплый голос:

— Влад, я бы с радостью... но я не могу. Я люблю тебя... как брата, но если я убегу с тобой, то с кем останется Аслан? Давай сбежим втроем?

— Да, нужно найти Аслана и поговорить. Он такой нервный последнее время... я никак не мог с ним поговорить. Как подхожу — разворачивается на пятках и — как в воду канул, нигде не найти. А прихожу в казарму — спит, как убитый, хоть тресни.

— Пойдем, отыщем его, пока все спят, и уговорим помочь. Он же на конюшне закреплен, сможет отвязать лошадей... и тогда мы сядем на них, поскачем во весь опор, и...

— И будем спасены... мы будем свободны, Лале! Все трое будем свободны! — крикнул последнюю фразу Влад, приподняв девушку за талию над землей, кружа ее.

— Ну-ну, тише, озорник, а то Али-бея разбудишь. Опустите меня и бежим! — попросила Лале, и только ее ноги вновь коснулись песка ипподрома, как девушка помчалась, схватив руку валахийца, в сторону конюшни.

Во дворец в Эдирне пришел день, но поиски Аслана не увенчались для двух «пленников» успехом. На конюшне рыжеволосого мальчишки не оказалось, в школе — тоже. На задания его не отправляли. Влад предложил им разделиться:

— Я пойду посмотрю еще раз в саду, а ты забеги в гарем. Вдруг там кто-нибудь его видел, мало ли что...

— Хорошо. Встретимся в заброшенном домике, — бросила Лале, заходя в покои наложниц султана с тяжелым сердцем. Никого, кроме Зары, в огромной богато украшенной зале не оказалось. Женщина быстрыми шажками подошла к девушке, в почтении склонив голову, протягивая что-то, шепча:

— Лале-хатун, вам послание.

— От кого?

— От Аслана, Лале-хатун, — произнесла Зара, отдавая крохотную ажурную коробочку с привязанной к ней небольшой свернутой запиской и ретируясь. Лале осталась одна. Присев с краю на разбросанные на полу подушки, она развязала неподдающуюся веревочку на свитке и раскрыла его, принялась читать письмо.

Дорогая Лале-хатун,

Вчера я хотел сказать вам, что господин Мехмед предложил возглавить ряды султанских наемников и поплыть за пределы Османской Империи и покорять чужие земли. Я долго думал, но теперь решил принять его предложение. Не переживайте, я видел все, что нужно, не требуется больше скрываться от меня, я все прекрасно понял. Можете больше не лгать мне, ведь для вас я был просто другом, временным развлечением, веселой игрой. Поначалу я злился в душе, но потом простил и заставил себя отпустить. Мне больно от одного осознания, что моя любовь — тяжкое бремя для вас, что мешает жить, дышать полной грудью. Не хочу доставлять неудобство своим пребыванием при дворе султана Мурада, поэтому покидаю вас и моего названного брата. Будьте счастливы с Владом! Надеюсь, мы больше никогда с вами не свидимся, или же я сгину на поле боя прежде, чем состоится эта встреча.

Ваш Аслан

Грудь девушки сотрясалась, дыхание было прерывистым, а к горлу подошел ком, который она силой пыталась протолкнуть. Глаза метались от строчки к строчке, не понимая слов. Мозг отказывался принимать смысл написанного в письме. Тонкие дрожащие пальчики девушки подняли с пола коробочку. Открыв ее, девушка ахнула — на дне шкатулки лежал ее локон, что она подарила Аслану в ту ночь под омелью, заботливо обернутый в

лиловый шелковый платочек.

— Он сохранил его... а сейчас... вернул мне... — Лале в растерянности сидела на полу гарема, а горячие слезы неконтролируемо капали из глаз, обжигая щеки и подбородок, срываясь и падая вниз, просачиваясь сквозь тонкую ткань платья. Она не могла сказать ни единого слова, эмоции от стихийно случившегося взяли верх над растерянной девушкой. Через мгновение двери в покои распахнулись, и внутрь вбежал Влад с Зарой. Остановившись на пороге, женщина преградила ему путь, не разрешая пройти дальше, но юноша грубо оттолкнул ее, устремившись к хрупкой фигурке девушки, закрывшей лицо полупрозрачным покрывалом.

— Что случилось, Лале... Лале, ответь... — присев на корточки около нее, спросил Влад. Подняв на него раскрасневшиеся глаза, она шмурыгнула носом, ничего не сказав. Потом ее взгляд скользнул на противоположную стену, в окно, и рассеялся в пространстве.

— Что с ней, Зара! Что с ней??? — обернувшись к женщине, прокричал Влад, размахивая ладонью перед лицом девушки, на что та уже не реагировала, вперив взгляд в одну единственную точку, немного улыбаясь и легонько покачиваясь из стороны в сторону, тихо произнося, как мантру: «День прожит, солнце с вышины уходит прочь в другие страны... Зачем мне крылья не даны с ним вровень мчаться неустанно...»

— Amantes — amentes, — только и прошептала в ответ женщина, так и оставшись стоять у входа, склонив голову.

===== Не оставляй меня (Ноэ, Лайя) =====

Комментарий к Не оставляй меня (Ноэ, Лайя)

Данная зарисовка может вызвать противоречивые чувства. Предупреждение: читать с осторожностью!

И, как всегда, отсылочки вошли в чат!

— Что ты делаешь, Ноэ? — посмотрела на него, широко распахнув глаза, Лайя.

Толкнув девушку внутрь одной из комнат, он вошел следом, закрыв дверь. Клац! Клац! Ключ провернулся в замке дважды. Мужчина неспешно обернулся, в глазах сверкнул хищный огонек. Он сделал пару шагов к ней. Девушка отпрянула, отступила назад. Еще шаг, другой, третий, пока не почувствовала, что дальше комната заканчивается.

— Ноэ, что это значит?.. — тихо прошептала реставратор, не понимая, что происходит.

Блондин подошел вплотную к ней, и Лайя сразу почувствовала разницу в росте. Этот взгляд свысока... Он посмотрел на нее еще раз, оглядев снизу доверху, оценивая, а потом сделал еще шаг, сокращая расстояние между телами до минимума.

— Ты же помнишь... ты все помнишь, сладкая!.. Султан Мурад, школа, будь она проклята... гарем... и мои покои, разумеется, тоже... — убрав прядку волос за спину, сказал он, оголяя девичье плечо.

Время будто бы остановилось. В голове замелькали картинки из прошлого, в которое, по просьбе Влада, она погружалась из раза в раз. Да, она вспомнила все: красный бархат, которым были обиты стены комнаты, огромное золотое ложе с полусотней шелковых подушек, длинные жилистые пальцы, касавшиеся ее тела... и смех... наглый смех, отдававшийся звоном в голове. Девушка в испуге закрыла глаза, шумно втянув носом воздух.

— Нам помешали в тот раз. Однако можешь не беспокоиться — сейчас этого никто не сможет сделать! — злорадствуя, произнес Ноэ, проведя тыльной стороной ладони по ее розовой щечке.

Страх сковал девушку, и Лайя не могла даже слабо пошевелить рукой. Мужчина

неожиданно резко притянул ее за талию к себе, отчего низ живота девушки уперся в его пах. Короткий отрывистый вдох и сжатый, жалостный всхлип, — все, что смогла позволить сейчас она. Не показывай свой страх, не показывай... — упорно твердил мозг, но тело предательски дрожало каждой клеточкой. Схватившись за рукав платья, Ноэ сжал полупрозрачную материю между пальцев, пытаюсь найти своими губами тонкую шею. В тот же миг девушка уперлась ладонями в его грудь, силясь оттолкнуть от себя, но оказалась слабее. Белокурый, точно сорвавшийся с цепи пес, накинулся на нее; руки его блуждали по ее телу, пока Лайя тщетно пыталась вырваться из его цепких липких объятий. Но мужчина, кажется, только этого и ждал... наклонившись ближе к ее ушку, он прошипел:

— Влад только что уехал в Брашов...

Резко повернув голову, художница попыталась укунить его за руку, но Ноэ перехватил ее запястья, сведя их вместе над головой и, сильно прижав друг к другу, держал левой рукой, не давая высвободиться.

— Лео после бала повез Илинку вместе с Милли к ним домой, в Холодное, и вернется не раньше, чем часа через четыре... но ничего, нам с тобой хватит и этого с лихвой...

— Отпусти меня, — собирая силы, крикнула ему Лайя, намереваясь ударить между ног, но он разгадал ее порыв и перехватил ногу, подставляя собственную подножку, отчего девушка потеряла равновесие и упала на спину прямо к его ногам. Не дожидаясь, пока та поднимется, Ноэ переступил через ее тело и сел на него верхом, подавшись немного вперед. Наглое лицо встретилось с испуганным лицом девушки, готовым расплакаться тотчас же. Она задержала дыхание, услышав последнюю фразу:

— Валентина я сам отпустил. В замке больше никого нет. Если будешь хорошей девочкой, то я не буду с тобой груб....

«Быть покорной, как тогда, Мехмед?» — подумала Лайя. — «Да ни за что! Но... Неужели никто не сможет помочь мне в этот раз... что же мне делать?». События в покоях шехзаде яркими картинками вспыхивали в памяти, вскрывая давно затянувшийся гнойник. Выждав миг, девушка неожиданно бьет мужчину в пах, выигрывая пару секунд, но, не успев подвестись на ноги, чувствует, как чей-то сильный локоть прижимает ее корпус к стене.

— Помогите! Ааааахр... — закричала Лайя, но в ту же секунду ощутила цепкие пальцы у себя на горле, сжимающие его и практически полностью перекрывшие воздух. Тут же рука, будто бы передумав ее убивать, зажала девушке рот, а левая резко дернула рукав платья на себя. Треск... внутренний шов не выдержал и лопнул. Ноэ отшвырнул ткань в угол, опускаясь все ниже; тело девушки извивалось в несогласии с его желанием, но ему было плевать. Дойдя до оборки юбки, он резко рванул ее на себя, оборвав часть, обнажив бедро. За дверью раздались торопливые шаги.

— Я здесь! Помогите! А! — крикнула Лайя, когда хватка Ноэ немного ослабла. В дверь постучали.

— Заткнись, дура! — гаркнул на нее он, всунув в рот кляп из носового платка. В дверь заколотили. Блондин, ругнувшись себе под нос, явно понимая, что его план летит в Преисподнюю, не желая отказываться от жертвы, решает действовать более решительно. Правая рука резко задирает подол платья, скользнув по внутренней стороне бедра, поднимаясь выше.

— Мммм! — в ужасе замычала Лайя, пытаюсь хоть как-то подать знак стоявшему в коридоре, что остались считанные секунды до неизбежного. Расстегнув ширинку, мужчина спустил штаны, все еще пытаюсь удержать бьющуюся в истерике девушку, когда дверь с

грохотом отлетела в сторону и в помещение ворвалась черная тень. Отшвырнув Ноэ от несчастной, вошедший схватил мужчину за грудки, прижав лопатками к стоящему рядом шкафу, не отпуская из смертельной хватки. Девушка рухнула на пол, забившись в угол за корзиной с вещами. Пепельные глаза встретились с сине-зелеными, что в следующую минуту округлились и практически вылезли из орбит, закатившись, а голова бессильно упала на грудь.

Отбросив обескровленное тело в сторону, словно мягкую игрушку, неизвестный обернулся к девушке, и она узнала его. Влад подбежал к ней, присев рядом, вытащив из ее рта кляп. Его черная рубашка скрыла следы вечернего преступления: лишь только на шее осталось несколько капель алого цвета, словно прыснувший сок граната. Он протянул руку реставратору, помогая подняться. Та дрожала всем телом, не переставая всхлипывать, шмыгая носом. «Что это... это кровь... Ноэ мертв...» — подумала она, с опаской и растерянностью взглянув на хозяина замка.

— Ноэ... что он... — взволнованно, не зная, как подобрать слова, начал Влад.

— Он не успел, не успел... — протянула на выдохе Лайя, окончательно разрыдавшись, закрывая лицо руками. — Но я, я...

— Все, все, тихо, — он сгреб девушку в охапку, укутывая ее тело в штору, что сорвал с окна, прикрывая телесную наготу. — Тише, я рядом. Все закончилось. Больше он никогда не дотронется до тебя, я обещаю.

Слезы, одна за одной, катились обжигающим ручейком по ее щекам без остановки. Влад попытался помочь девушке встать, но подкосившиеся ноги отказались ее слушаться. Не сделав и одного крохотного шага, Лайя оступилась, падая, но швейцарец успел ее подхватить. Спертый воздух бил по вискам, дышать становилось труднее, а в глазах немного темнело. Бросив беглый взгляд на художницу, он взял ее на руки, посильнее укутав, и двинулся к выходу. В дверях хозяин замка столкнулся с Валентином. На ходу отдав ему несколько указаний на румынском, Влад направился к лестнице, ведущей наверх.

Самая последняя комната в западном крыле замка встретила своего хозяина скрипом не отремонтированных половиц. В комнате, куда Влад занес девушку, было тепло — огромный камин, по-хозяйски кем-то разожженный, компенсировал отсутствие отопления. Мужчина подошел к кровати, аккуратно опустив на нее Лайю, насторожившись, когда пышные ресницы дрогнули, а с губ сорвалось:

— В... Влад...

— Что? — наклонившись, он взглянул девушке в глаза. — Чем я могу тебе помочь, Лал... Лайя?

— Мне... немного стыдно... я выгляжу, не самым лучшим образом... сейчас.

— Я уже распорядился, тебе принесут сменную одежду. Выйду, чтобы ты смогла переодеться.

Не успел Влад это произнести, как дверь тихо отворилась, заставив бедняжку вздрогнуть и повернуться на звук. В спальню зашел Валентин с пожилой женщиной — это оказалась миссис Эминеску. В руках женщины был сверток с одеждой. Мужчины тотчас же покинули их, выйдя в коридор, но далеко не отходя. Миссис Эминеску, увидев, в каком состоянии сейчас Лайя, помогла ей одеться, ничего не спрашивая, потом вышла, также не произнеся ни слова, лишь окинув комнату печальным взглядом.

Через мгновение в помещение вернулся Влад, закрыв за собой дверь. Лайя все также,

как и раньше, лежала на кровати и смотрела в потолок, а слезы градом текли с глаз. Мужчина, не в силах оставаться в стороне, тихо подошел к изголовью кровати и присел на краешек.

— Лайя, можно... твою руку? — спросил ее разрешения хозяин.

— Дда... — дрожащим голосом произнесла та, пытаясь протолкнуть ком в горле и горечь. — Влад... я хотела сказать... спасибо тебе... я...

— Не говори ничего, прошу тебя, — опустив голову и вперив взгляд в пол, рассматривая паркет, он аккуратно накрыл ее ладонь своей. — Тебе нужно беречь силы. Сейчас Антон принесет чай. Его надо будет выпить, поняла меня?

Девушка молча кивнула головой, повернувшись к нему спиной и свернувшись в комок, прижав колени к корпусу, закрыв глаза руками. Влад продолжал рассматривать половицы, не в силах поднять на нее глаз, будто бы понимал, что часть вины за чуть ли не свершившееся лежит и на нем, как вдруг услышал:

— Прости, я виновата... не нужно было бродить по замку в такое время, да и еще в таком виде...

— Лайя, ты, конечно же, могла поехать со мной, это да... — согласился мужчина. — но твой вид тут не при чем. Ты не виновата, Лайя. Виноват лишь тот, кто пытался тебе навредить.

— Но я... спровоцировала...

— Нет! — рявкнул вампир, обнажив острые клыки, но увидев, как дернулась художница от вспышки его гнева, сразу же взял себя в руки. — Никогда так больше не говори. Ты не виновата, запомни это!

Девушка повернулась к нему. Влад также сидел в ожидании. Он понимал, что сейчас главное — просто быть рядом с ней. И ничего больше.

Спустя время вошел Антон, неся поднос с чайным сервизом и чашками. Оставив на столе рядом с балкончиком, он, поклонившись хозяину, удалился. Влад встал с постели, налил чашку чая и приподнес ее Лайе. Руки девушки еще подрагивали от пережитого стресса, и Влад придерживал чашку, положив свои руки поверх ее рук, не давая целебному напитку расплескаться. Постепенно учащенное дыхание девушки начало сбавлять обороты — ее стремительно клонило в сон. Понимая, что тело максимально расслабилось и вот-вот сейчас упадет, Лайя облокотилась на подушку, понемногу оседая на постель. Влад, поставив чашку на тумбочку, помог ей лечь, заботливо укрыв одеялом.

— Влад... — тихо позвала его Лайя, погружаясь в пучину грез. — Пожалуйста, не оставляй меня одну... мне страшно.

— Больше никогда не оставлю, звездочка моя. Я буду здесь, рядом с тобой, — погладив по голове, Влад убрал руку и отошел назад, устраиваясь в кресле напротив.